

На момент подготовки этого материала в государственном реестре числилось 155 саморегулируемых организаций проектировщиков, из них 107 – члены Национального объединения проектировщиков (НОП). По мнению специалистов, основная масса проектировщиков, для которых вступление в СРО было необходимым условием продолжения их профессиональной деятельности, этот шаг уже сделали и сегодня могли бы приравниваться к работе по новым правилам. Однако правила эти имеют тенденцию меняться быстрее, чем с ними успевает ознакомиться большая часть членов СРО. К тому же новые законы по большей части оказываются не лучше, а даже хуже прежних. Но настоящей бомбой для архитектурной профессии в ее традиционном понимании может стать новая редакция Градостроительного кодекса, принятая Госдумой в первом чтении 19 мая сего года, второе чтение назначено на конец июня.

Ирина Дмитриева

Отечественная архитектура в опасности

СРО в огне бумажной лихорадки

Предложение НОП и ведущих СРО о годовом моратории на изменения в законодательстве не получило отклика наверху. За недолгий срок жизни саморегулируемых организаций им пришлось уже трижды перевыпускать свидетельства о допуске к работам, влияющим на безопасность объектов капитального строительства. В результате весь год архитекторы заняты не своими прямыми профессиональными обязанностями, а переписыванием бумаг (благо, что на дворе кризис и заказчики совсем не так активны, как законодатели).

Напомним, что первый вариант допусков выдавался по перечню работ, утвержденному Приказом Министерства регионального развития РФ от 9 декабря 2008 г. за №274. Второй вариант этого перечня появился в Приказе Минрегионразвития от 21.09.2009 г. за номером 480. Необходимость в третьей итерации свидетельств была вызвана вступлением в силу Постановления правительства РФ №48, которое касалось допусков к работам на особо опасных, технически сложных и уникальных объектах капитального строительства. Едва успели перевыпустить свидетельства по данному поводу, как подоспел 624-й Приказ Минрегионразвития¹.

Вся эта бумажная лихорадка не на пользу делу, считает президент ГАРХИ, вице-президент НОП Дмитрий Александров. Из всех законодательных «презентов», которые получили СРО за этот первый год работы, полезным Александров называет только 624-й Приказ Минрегиона. «К созданию этого документа приложили руку, а также голову, душу и сердце представители Национального объединения проектировщиков и Союза архитекторов. В результате в нем присутствуют здравый смысл и здравые мысли (в частности, появляется понятие «генплан», разделены внутренние инженерные системы и наружные се-

ти, технологии расписаны по типологии и выделены в отдельный раздел), чего нельзя сказать о 48-м Постановлении правительства и о поправках к Градкодексу. Эти законы способны подорвать основы гражданской архитектурной практики. Откуда же берется «вредное» законодательство, кто занимается законодательным терроризмом в отношении российских проектировщиков?..

Откуда берутся «вредные» законы

Как известно, «в одну телегу впрячь невозможно Коня и трепетную лань». Но именно это было сделано, когда основными субъектами саморегулирования в России были определены не физические лица – конкретные архитекторы, проектировщики, а юридические лица, среди которых абсолютное «большинство» – это небольшие проектные мастерские, обслуживающие гражданское строительство, а абсолютное «меньшинство» – крупный проектный бизнес, обслуживающий интересы госкорпораций – атомпрома, оборонпрома, энергетики, нефтегазовой отрасли и т.д. Причиной появления «неправильных» законов является явное противоречие интересов мелкого «большинства» и крупного «меньшинства» в условиях особой приближенности последнего к законодательным рычагам.

Основная масса архитекторов-проектировщиков представлена в основном даже не средним или малым, а микробизнесом² – проектными организациями, архитектурными мастерскими и бюро с штатом в 3-5, от силы 10 человек. В условиях кризиса тенденция к максимальному «облегчению» штатного расписания стала особенно ощутима, большинство проектных организаций стремится сохранить костяк – ГИПа, ГАПа, ведущих конструкторов, а на остальные позиции по мере необходимости под конкретные проекты привлекаются

фрилансеры. Ничего предосудительного, угрожающего безопасности или качеству отечественного проектирования наши ведущие архитекторы в этом не усматривают. Но это вполне естественное желание найти самый рациональный вариант, чтобы выжить в кризисных условиях, сохранив для профессии наиболее ценные кадры, наталкивается на законодательские инициативы спецпроектных монстров, которые стремятся использовать кризис частных инвестиций в качестве удобного момента для перетягивания на себя не только профильной, но и общегражданской архитектурной практики. В результате появляются такие законодательные акты, как Постановление Правительства №48 от 03.02.2010 г. «О минимально необходимых требованиях к выдаче саморегулируемым организациям свидетельств о допуске к работам на особо опасных, технически сложных и уникальных объектах капитального строительства, оказывающих влияние на безопасность указанных объектов». «Это постановление вынуждает все проектные мастерские превращаться в мини-проектные институты со штатом в 40-50 человек, – комментирует уже вступивший в действие норматив Дмитрий Александров. – Если взять Москву, то любой объект с трехуровневой подземной автостоянкой, с отметкой ниже минус 10 подпадает под критерии уникального. Фактически это постановление означает, что от исполнения работ в качестве генпроектировщиков отсекается колоссальное количество проектных организаций. Даже если архитектурная мастерская исполняет функции только генпланирования, чтобы претендовать на подобный проект ей придется искусственно доукомплектовать свой штат еще примерно 20-ю сотрудниками, помимо ГАПа и ГИПа».

Градостроительный барьер для большой архитектуры

Продолжением практики выдавливания значительной части «общегражданских» ар-

¹ «Об утверждении Перечня видов работ по инженерным изысканиям, по подготовке проектной документации, по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства». Вступает в силу с 1 июля 2010 г.

² В соответствии с законодательством РФ к среднему бизнесу относятся предприятия с численностью работающих до 250 чел. и годовым оборотом до 1 млрд. рублей, к малым предприятиям – с штатом до 100 чел. и годовым оборотом до 400 млн. рублей, к микробизнесу – с численностью работающих до 15 человек и годовой выручкой до 60 млн. рублей).

Президент НОП и ГАП А.Р.Воронцов.

хитекторов и проектировщиков за пределы СРО, в «бездопускную» зону частного малоэтажного и интерьерного заказа, стали поправки к Градостроительному кодексу, принятые Госдумой в первом чтении. Дмитрий Александров видит в этом одиозном документе две особенно крупные неприятности – «неприятности на грани фактического барьера выходу на рынок субъектов хозяйственной деятельности».

Проблема первая: «Под флагом защиты малого бизнеса проектировщикам предлагают вносить в компенсационный фонд дополнительные суммы, исходя из предполагаемой суммы договора. Причем эта предполагаемая сумма должна быть зафиксирована в свидетельстве на допуск к работам по генпроектированию (также как и в свидетельствах по выполнению работ по генподряду в строительстве и в изыскательской деятельности). Это прямое вмешательство не только в деятельность СРО, но и в деятельность субъектов хозяйственного права, – считает Д.Александров. – Введение процедуры анонсирования стоимости будущих договоров с указанием суммы фактически приводит к тому, что контрольные органы каждой саморегулируемой организации должны будут в конце года запрашивать у своих участников договоры, чтобы проверить реальность заявленных цифр. Таким образом, они уже проверяют не техническую часть работы своих членов, не качество и безопасность проектирования, а бухгалтерию, содержимое «карманов», непосредственно вмешиваются в хозяйственную практику субъектов экономической деятельности, посягают на то, что называется коммерческой тайной – а далеко не каждый потенциальный заказчик согласится на разглашение третьим лицам суммы договора».

Александров считает, что идет сознательное замораживание средств проектировщиков, которые в нынешних условиях и так часто получают вознаграждение по факту

выполнения заказа, а в некоторых случаях – и по факту экспертизы проекта. В такой ситуации производить дополнительные авансовые платежи в компенсационный фонд размером от 250 тыс. до полутора миллионов рублей, в зависимости от суммы договора, который организация только планирует заключить в будущем, совершенно убийственно. (Причем никаких механизмов возврата средств из компенсационного фонда, в том числе и в форме взаимозачета по переплате в счет будущих взносов, на случай, если договор не состоялся, в законе не предусмотрено).

«Естественно, никто не захочет просто так вытаскивать авансом деньги из оборота. Как народ будет от этого «подарка» уворачиваться – уже понятно: будут дробить договоры. Искусственное создание условий, которые не вытекают из непосредственной практики с поправкой на реальное состояние рынка, неизбежно приводит к злоупотреблениям, – заключает Д. Александров. – Закон сырой, многие формулировки расплывчаты и неоднозначны. При этом его предлагается принять с 1 июля, запустить механизм пополнения компенсационного фонда, а те, кто будет не в состоянии этого сделать, с 1 октября могут считать себя свободными от выполнения обязанностей генпроектировщика», – комментирует очередной подарок законодателей президент ГАРХИ. Едва ли не единственным плюсом предложенной редакции Градостроительного кодекса Дмитрий Александров называет поправки, связанные совершенствованием механизма страхования проектной деятельности: «В архитектурно-строительной практике никакой компенсационный фонд не способен покрыть все возможные издержки – во всем мире эту функцию берет на себе страховая система. Необходимо совершенствовать страховой рынок, страховую законодательную базу страны. И конкретные предложения в этом направлении делаются, в том числе ведущими страховщиками».

НОП в роли Ростехнадзора – кому это выгодно?

Вторая и, судя по чрезвычайно бурной реакции профессионального сообщества, самая трагическая проблема предложенной редакции Градостроительного кодекса – это появление в главе 6-й новой 55-й статьи, наделяющей национальные объединения контрольно-надзорными функциями за деятельностью СРО.

Д.Александров: «НОП – это над-СРОшный орган, который объективно необходим. Союз архитекторов защищает интересы архитекторов как физических лиц – представителей профессии, НОП решает вопросы и защищает интересы юридических лиц. САР и НОП – это два параллельных движения, которые коррелируются, не противоречат друг другу. Функции Национального объединения проектировщиков установлены законом. Это обсуждение государственной политики в области архитектуры и градостроительства, представление интересов СРО в госорганах, вплоть до законодательной инициативы, защита интересов СРО. Что предлагается?»

Предлагается дополнить эти 4 позиции контрольно-надзорными функциями НОП. Под предлогом борьбы с недобросовестными СРО нацобъединение начинает контролировать не только саморегулируемые организации в целом, но и каждого отдельно взятого их члена, проверять, заслуживает ли тот или иной участник СРО допуска к тем или иным работам, по праву ли ему этот допуск выдали в его родной СРО? Фактически это убивает саму идею саморегулирования, ради которой все и затевалось. Следующий шаг – создание гипернационального объединения, и такая идея уже прозвучала».

Против наделения нацобъединений контрольными функциями выступают ведущие проектные институты и организации страны, занятые в гражданском строительстве, СА России во главе с его президентом Андреем Боковым, руководители НОП во главе с президентом нацобъединения Алексеем Ворон-

Вице-президент НОП,
президент ГАРХИ Д.В.Александров.

цовым, вице-президентом Дмитрием Александровым и др. Кто же за?..

Горячо одобряет и приветствует эту поправку в основном аппаратная часть НОП, ряд саморегулируемых организаций, представляющих проектно-строительные услуги в системообразующих, специальных отраслях. Эта «административно-аппаратная» группа, представленная в значительной степени наемными директорами СРО, часто даже не имеющими отношения к архитектурно-проектной профессии, сначала инициирует и проталкивает 48-е Постановление Правительства, потом – поправки в Градкодекс с контрольными функциями Нацобъединений. А в результате расформированные СРО «сливают» свои компенсационные фонды в нацобъединения (эта процедура также предусмотрена последними поправками в Градкодекс). Как говорил герой одного известного сериала, «картина маслом»!

Президент НОП Алексей Воронцов в обращении к участникам Международного конгресса архитекторов, который состоялся в 25 мая в Сочи, представил свою позицию о наделении Национальных объединений контрольными функциями.

- Сегодня надо иметь в виду, что прорабатываются и сосуществуют две модели Национального объединения СРО. Я отношу себя к тем, кто считает, что основную нагрузку должна нести саморегулируемая организация, что, собственно, законодательством и предопределено. Все, что касается выдачи допусков к проектным работам, все, что касается повышения квалификации, страхования профессиональной деятельности – все эти вопросы должна решать, прежде всего, та или иная СРО, объединяющая совершенно конкретные сообщества проектировщиков. СРО должны иметь законодательно закрепленную возможность до конца и точно высказаться по любому вопросу, который их беспокоит, обращаясь при этом в органы

власти от своего лица – через голову нацобъединений.

Что касается Национального объединения проектировщиков, то, я считаю, что это должен быть, прежде всего, координационный центр, центр методической помощи СРО, площадка, где может высказываться то или иное мнение, в том числе и площадка, где может быть высказано корпоративное мнение, но не более того. Я против коммерциализации деятельности НОП, связанной с предоставлением услуг по саморегулированию, повышению квалификации, навязыванием услуг учебно-образовательного характера, что, кстати, является прямым нарушением закона.

Есть другая идея – идея создания Национального объединения как вертикально структурированного административного организма с жестким подчинением периферии центру. И здесь, мне кажется, мы можем скатиться на путь, которым шла Россия под флагом социализма – довольно длительный путь, приведший в никуда. Путь, при котором все решения принимаются наверху и директивно рассылаются к исполнению в регионы и на места. Помоему, это как раз малопродуктивная идея. Поскольку, допустим, СРО, объединяющая в основном архитекторов-проектировщиков, имеет некую специфику как в части выработки требований к допускам на осуществление профессиональной деятельности, так и в части организации системы повышения квалификации, по сравнению, например, с теми саморегулируемыми организациями, которые занимаются разработкой инженерных систем, проектированием специальных технических решений. Поэтому заставлять по единым схемам и программам работать, повышать свою квалификацию как архитекторов, так и инженеров-сантехников, инженеров-электриков или инженеров-гидравликов и т.д., видимо, нецелесообразно. И именно в начальный период становления системы саморегулирования очень важна инициатива каждой организации, ее индивидуальный практический опыт.

И только по прошествии 3-5 лет можно будет сделать аккуратные предложения о некой унификации деятельности СРО.

В саморегулировании должна участвовать каждая организация, каждый проектировщик, это личное дело каждого из нас. Чтобы, в конечном счете, это стоило денег, которые мы с вами будем платить в различные институты системы саморегулирования. Это СРО, это НОП, это деньги, которые придется в обязательном порядке платить за страхование нашей профессиональной деятельности, за то, что мы должны повышать свою квалификацию – и это тоже прописано в Градостроительном кодексе. Прописано не очень ловко, не очень эффективно с точки зрения реализации этих задач, но, тем не менее, это данности, которые мы должны уважать, и правила, по которым мы должны сегодня играть. Поэтому обращаю ваше внимание на то, что 19 мая Государственная дума приняла в первом чтении поправки в Градостроительный кодекс, касающиеся дальнейшего совершенствования деятельности СРО и их Национальных объединений. Я обращаюсь к вам и прошу каждого из вас лично изучить эти документы и обязательно высказаться на уровне своей саморегулируемой организации. Высказаться в мой адрес как Президента НОП, в адрес государственных органов исполнительной и законодательной власти, которые занимаются работой над данным документом. В Государственной думе это Комитет по строительству и земельным отношениям (председатель комитета – М.Л.Шакум). В Правительстве России этот блок курирует первый вице-премьер Д.Н.Козак, а также наше профильное Министерство регионального развития (министр В.Ф.Басаргин, руководитель Департамента градостроительного регулирования И.В.Пономарев). Обращаю ваше внимание, что необходимы ваши письменные мнения и суждения, на которые можно опереться как на выражение позиции широкой профессиональной общественности, профессионального сообщества.

Со 2 апреля по 25 мая 2010 г. состоялся открытый конкурс на памятник «В борьбе против фашизма мы были вместе». Конкурс проведен на основании совместного решения Общественного фонда «Историческое наследие», Москомархитектуры, Департамента культуры г.Москвы.

По итогам конкурса на памятник «В борьбе против фашизма мы были вместе»

Цель конкурса –

продемонстрировать фальсификаторам истории значение великой победы многонациональных сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

На конкурс представлено 25 проектов.

По условиям конкурса проекты рассматривала экспертная группа, которая определила 6 проектов для обсуждения их на совместном заседании Попечительского и Общественного советов Фонда содействия и восстановления памятников героям Великой Отечественной войны «Историческое наследие». Председателем Общественного совета является В.И.Долгих, председатель Московского городского Совета ветеранов. Председателем Попечительского Совета – Ю.М.Лужков, мэр Москвы.

Первые шесть проектов были экспонированы

со 2 июня по 11 июля в Зале Славы музея истории Великой Отечественной войны на Поклонной горе и размещена на сайте партии «Единая Россия».

По инициативе Московского городского регионального отделения «Единой России»

проведено интернет-голосование за наиболее понравившийся проект памятника.

По результатам интернет-голосования, в котором приняло участие 65 тысяч человек,

наибольшее количество голосов получил конкурсный проект №11 (девиз 194145, условное название проекта «Знамя Победы над Рейхстагом» – 32%).

На втором месте – конкурсный проект №13 (девиз 090545, условное название проекта «Танк») – 21%.

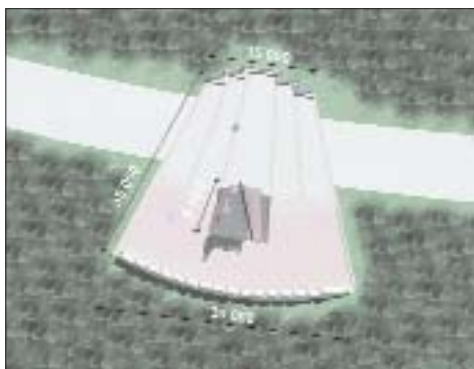
На третьем месте – конкурсный проект №2 (девиз 705203, условное название проекта «Вагон-теплушка») – 17%.

На совместном совещании Попечительского и Общественного советов поддержаны итоги интернет-голосования.

Из протокола совместного заседания Общественного и Попечительского Советов Фонда «Исторического наследия» от 12 июля 2010 г.

Решили:

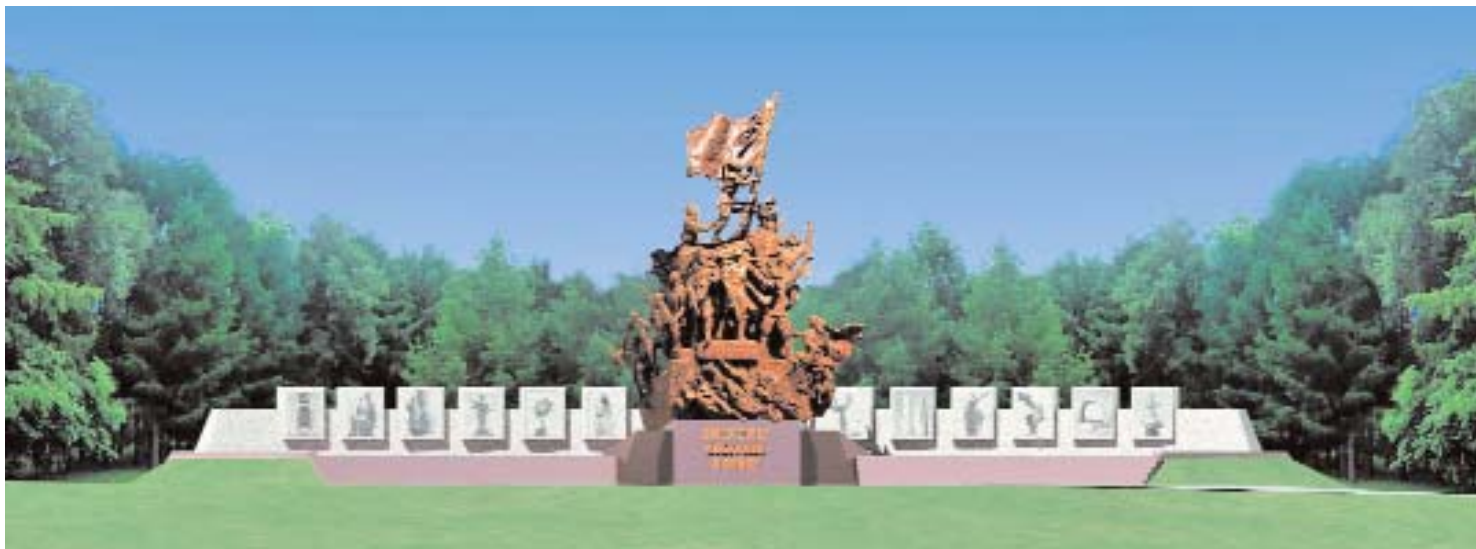
- Отметить важное политическое и морально-нравственное значение проведенного конкурса, как достойный ответ фальсификаторам исторической правды о Великой Отечественной войне.
- Проекты выполнены на высоком профессиональном уровне и отвечают основным задачам конкурса.
- Согласиться с мнением большинства в интернет-голосовании, что предпочтения заслуживает проект №11.
- Продумать вопрос о возможности создания на других территориях Москвы и Московской области представленных здесь конкурсных проектов. Например, проект №2 может быть построен в районе Белорусского вокзала; проект №13 – в районе музея «История танка Т-34» (36-ой километр Дмитровского шоссе).
- Поддержать предложение по созданию барельефов наиболее великих и значимых памятников Победы в других городах (Киев, Волгоград, Трептов-парк, памятник «Алеша» в Болгарии, «Бронзовый Солдат» в Таллинне и т.д.).

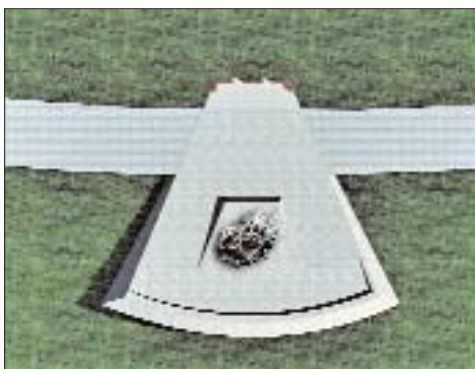

Проект №11 (девиз 194145).

Авторский коллектив – С.Щербаков, заслуженный художник России, член-корреспондент Российской Академии художеств, профессор, А.Ковальчук, народный художник России, член президиума РАХ, член Президиума при президенте РФ по культуре и искусству, В.Перфильев, архитектор.

Скульптурная часть памятника изображает водружение самого важного символа победы - Знамени Победы - над поверженным Рейхстагом. Участие в этом событии русского и грузинского воинов – М.Егорова и М.Кантария – подчеркивает единство наших народов, несмотря на попытки нынешнего грузинского руководства переписать историю и рассорить дружественные народы. Скульптурная группа из пятнадцати воинов олицетворяет собой пятнадцать республик СССР. На постаменте памятника – надписи со стен Рейхстага – названия городов солдат-победителей. Позади скульптурной композиции расположена Стена Памяти с рельефными изображениями главных памятников и монументов Победы в государствах СНГ. Общая высота памятника – 10 м.

Проект №13 (девиз 090545).

Авторский коллектив – скульпторы С.Щербаков, А.Ковальчук, архит. В.Перфильев.

Одним из основных символов Победы стал танк Т-34, который в данном проекте является центральным элементом, объединяющим многофигурную композицию. Под гусеницами танка – раздавленные символы фашистской Германии. Венчает композицию фигура солдата со знаменем Победы. Предлагаемое решение памятника демонстрирует реальный вклад в Победу над фашизмом воинов всех национальностей. Постамент памятника выполнен из светлого гранита, общая высота без постамента – 10-12 м.

Проект №2 (девиз 750203).

Авторский коллектив – скульпторы А.Балашов, А.Рукавишников, архит. М.Корси, С.Шаров.

Сложное, философски насыщенное, архитектурно-скульптурное решение памятника предполагает два основных элемента. Прежде всего – это трапециевидная стена с арочным проемом, воспроизводящим силуэт разрушенного в Кутаиси монумента. От этого не существующего более памятника остаются контуры тени, образующие на земле выемку с отвесной стеной от 0,5 до 3 м. Стена облицована вертикальными гранитными панелями с графическими изображениями и текстами по тематике конкурса: «В борьбе против фашизма мы были вместе». Доминантой композиции является скульптурное изображение вагона-теплушки с фигурами солдат, возвращающихся с фронта на Родину. Сцена встречи фронтовиков выполнена с гиперреалистической достоверностью.

Проект №12 (девиз 250574).

Авторский коллектив – скульптор Ф.Воробьев, архит. А.Миненков, Е.Миненкова.

В основе композиции памятника, являющего собой неразрывное целое – две разные части. Первая – это две фигуры ветеранов, обнявшихся после долгой разлуки. Вторая – материализованные воспоминания: в складках развевающегося, растерзанного знамени проступают воспаряющие к небу фигуры однополчан. Огонь, который жжет изнутри.

Проект №15 (девиз 520803).

Авторский коллектив – скульптор Ю.Злотя, архит. А.Тихонов.

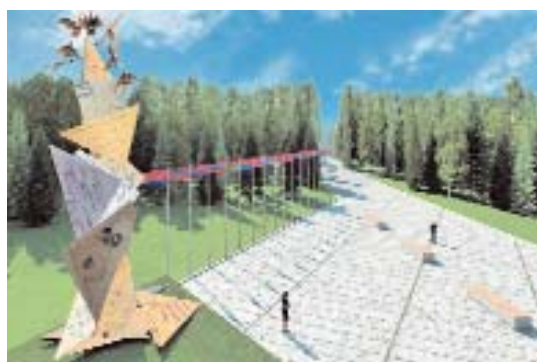
Основу архитектурно-скульптурной композиции составляет образ Родины-матери, который объединял и формировал патриотические чувства народов многонационального государства – СССР в борьбе против фашистских агрессоров. Фигура Родины-матери высотой 4,5 м из бронзы установлена на гранитный постамент. Фоном для скульптуры является гранитный пилон высотой 11 м, силуэтом напоминающий разрушенный мемориал в Кутаиси. На боковых пилонах расположены бронзовые рельефные изображения гербов союзных республик в строгом соответствии с последовательностью их наименований на гербе СССР – от РСФСР до Карело-Финской республики.

Проект №9 (девиз 386723).

Авторский коллектив – скульпторы С.Щербаков, А.Ковальчук.

Фронтовые письма-треугольники появились в СССР в годы войны. Как полагают авторы, именно они раскрывают тему переживаний простого человека в тяжелые годы войны – разлуки, встречи и надежды на победу. Объемная композиция составлена из 15 писем, олицетворяющих 15 республик СССР. На каждом из конвертов – адреса на разных языках: литовском, грузинском, русском, украинском и др. Вертикальная композиция из белых треугольников, перевоплощающихся в белые голубей, которые устремляются ввысь, символизируя связь с близкими и память о погибших. Высота памятника – около 8 м.

Эксперты дополнительно отметили 7 проектов, согласно протоколу, представляющих определенный творческий интерес.

№22 (777777)

№21 (900001)

№1 (524181)

№23 (950955)

№10 (888555)

№25 (756666)

№17 (331705)

№22. Авторский коллектив – скульптор И.Мачкевский.

№21. Авторский коллектив – скульптор В.Сафаров, дизайнер О.Сафарова, архит. И.Мачкевский.

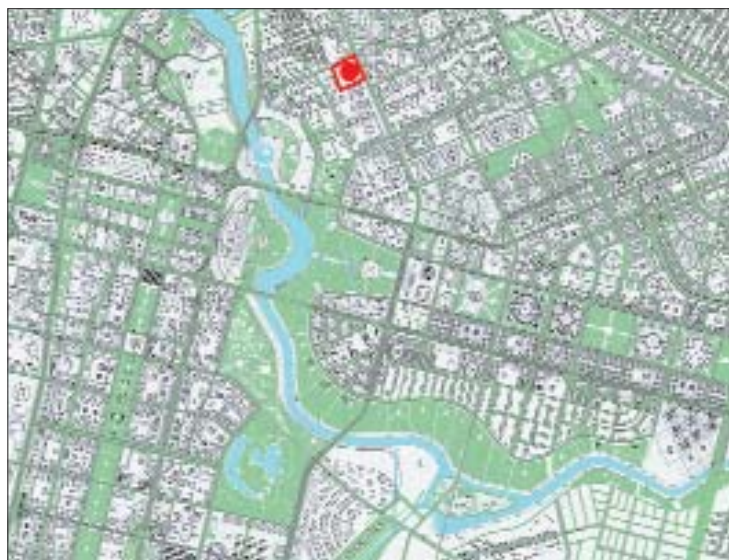
№1. Авторский коллектив – скульпторы А.Балашов, А.Рукавишников, архит. М.Корси, С.Шаров.

№23. Авторский коллектив – скульптор Б.Чёрствый, архит. А.Бавыкин, М.Марек, Н.Бавыкина, визуализация К.Маслов.

№10. Авторский коллектив – художники А.Ковальчук, С.Щербаков.

№25. Авторский коллектив – архит. Н.Курышева, О.Ариарский (Архитектурное бюро Структура).

№17. Авторский коллектив – скульптор А.Головачев, архит. В.Уткин.

архитектурные конкурсы

ПОД СЕНЬЮ ШАНЫРАКА
По итогам международного конкурса на эскиз идею Дворца творчества школьников в Астане

Весной 2010 г. подведены итоги международного архитектурного конкурса на эскиз-идею Дворца творчества школьников в Астане. Организаторы конкурса – акимат Астаны в лице ГУ «Управление архитектуры и градостроительства города Астаны». В качестве жюри выступил Архитектурный Совет столицы при Президенте Республики Казахстан. Цель конкурса – получении концептуальных архитектурных и градостроительных решений и идей по строительству Дворца творчества школьников.

Территория проектируемого объекта расположена на южной стороне пересечения проспекта Т?уелсіздік и улицы Куйші Дина.

По итогам совещания жюри победителем конкурса назван эскизный проект архитектурной мастерской «Студия 44» «Хан-шанырак. Кровля для творчества юных».

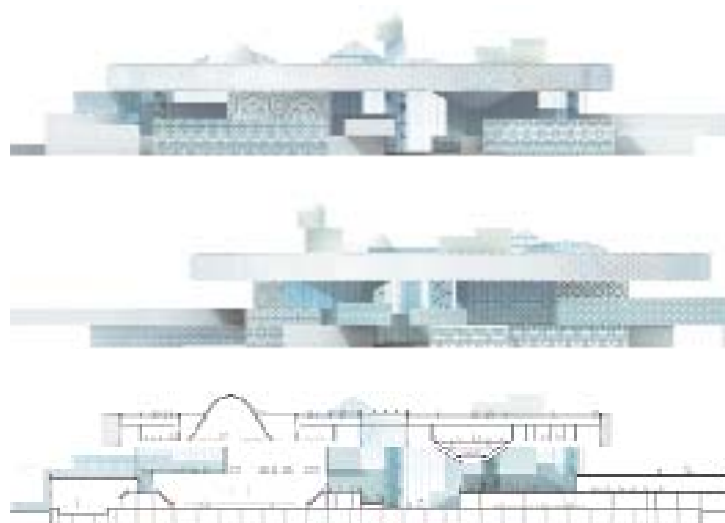
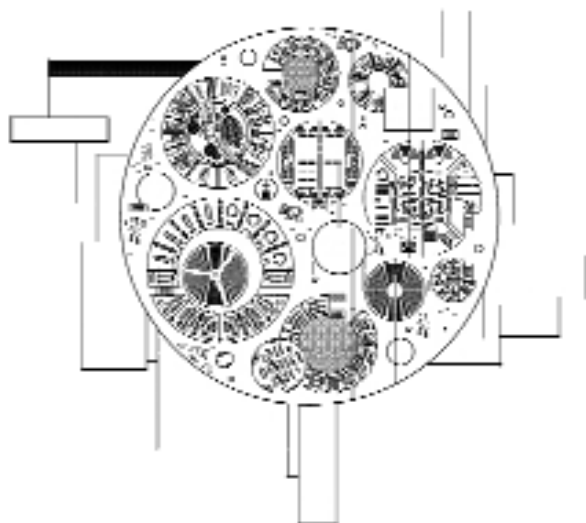
Архит.: Н.И.Явейн, С.И.Аксёнов, В.А.Зенкевич, И.В.Кожин, Г.С.Снежкин, при участии Н.Н.Архиповой, М.С.Виноградовой, И.С.Григорьева, В.С.Жуковой, Е.В.Купцовой, К.О.Счастливецовой, А.П.Яр-Скрябина, Ю.Н.Ашметьев, Я.С.Ицксон;
инж.: В.И.Герштейн.

Площадь застройки 17 200 кв.м. Общая площадь 40 500 кв.м.

Этажность: 4.
Количество учащихся 10 000 чел.
Открытые автостоянки: 250 м/м

Здание Дворца творчества школьников в виде пронизанного множеством световых отверстий гигантского диска интерпретирует тему шанырака, венчающего казахскую юрту и ассоциирующегося в народном сознании с небом и солнцем. В общемировой культурной традиции за кругом закреплены универсальные категории совершенства, бесконечности, вечности, для жителей же Казахстана он олицетворяет собой еще и идею правильно организованного, гармоничного, обжитого человеком пространства. Символика шанырака не чужда предназначению Дворца творчества школьников – кровля для духовного, интеллектуального и культурного развития генофонда нации.

Проницаемая мембрана между небом и внутренним миром здания покоится на трех опорах, пропуская сквозь себя мощные столбы света, а его покрытая золоченым металлом нижняя поверхность отбрасывает вниз мириады солнечных бликов. Прямоугольные объемы первых трех этажей здания то приближаются к красным линиям застройки квартала, местами консольно нависая над ними, то отступают вглубь, образуя уютные курдонеры. Прием «сборки» основного тела сооружения из отдельных элементов зрительно скрадывает его истинные габариты, сообщая довольно крупному комплексу гуманный масштаб, уличному фронту – динамику и живописность. Укрывающий же здание объем собирает воедино конгломераты блоков и подхватывает «небесную» линию окружающей застройки.

Архитектура здания апеллирует к идеям русского авангарда – в частности, супрематизма. Одновременно она обращается к местным культурным и домостроительным традициям. Налицо параллели внешние, очевидные: так, например, орнаментация фасадов или ромбовидный рисунок жалюзи, напоминающий решетчатую структуру кереге – сборно-разборных стен юрты. Но есть и глубинные взаимосвязи, затрагивающие сокровенную область организации пространства – это и принцип ориентации входа на восток, и наличие верхнего света, и троичность композиционных построений по вертикали.

Социально-функциональный набор включает: спортивный, театрально-зрелищный и музейно-выставочный комплексы, офисы администрации, библиотеку и обеденный зал. В свою

очередь функциональные группы (спортивная, зрелищная, административная) разобраны на составляющие – каток, музей, бассейн, выставочный зал и т.д., каждая из которых упакована в свой прямоугольный объем-футляр. Орнаментированные «футляры», поставленные один на другой, образуют четыре уступчатых горы. Две из них, расположенные слева от главного входа во Дворец, вмещают залы спортивного комплекса. Справа от входа находятся музейно-выставочный комплекс и столовая. В глубине здания напротив входа расположен театр.

Композиционные и смысловые нити стянуты к атриуму. Его геометрический центр находится точно под главным шаныраком – наибольшим из световых отверстий в кровле. Возникающий общественный форум снабжен открытыми лестницами, связыва-

ющими это центральное пространство с уступами-террасами, откуда хорошо просматривается все происходящее под крышей Дворца. Внутри цилиндрического объема расположена клубная часть. Здесь, как и в нижнем уровне, действует принцип обособления функций в отдельные анклавы вокруг собственного дворика или иного пространственного ядра. Так, биологические классы окружает зимний сад, а лаборатории научно-технического творчества расположены кольцом вокруг Планетария. Островки сосредоточенных занятий омывает единое рекреационное пространство, залитое светом благодаря сплошному ленточному остеклению боковой поверхности цилиндра. Защита от палящего солнца обеспечивается с помощью жалюзи. Эксплуатируемая кровля здания с искусственным озеленением служит пло-

щадкой для отдыха и занятий. Над зеленым ковром возвышаются купола планетария и зимнего сада, несколько зенитных фонарей и башня обсерватории, навевающая воспоминания о степных пейзажах. С верхнего уровня раскрывается величественная круговая панорама Астаны. Ночью огромный светящийся «нимб» будет привлекать к себе внимание, фиксируя место Дворца творчества школьников в центральном пространстве казахской столицы. Сочетая образы супрематизма с пространственными моделями традиционного казахского дома, архитектура Дворца творчества школьников утверждает Астану в качестве места слияния культур Востока и Запада.

Материал подготовила
Алла Павликова

Выставка номинантов премии перед входом ЦДХ в рамках Второй Архитектурной Биеннале.

Подведение итогов премии. У микрофона – глава московского представительства компании HONKA в России А.Львовский.

ДЕРЕВО – В МАССЫ

Когорта различных архитектурных премий, вручаемых каждый год в России, пополнилась еще одним именем. Теперь у нас есть специализированный ежегодный конкурс и премия **АрхиWood**, для архитекторов, активно использующих в своих работах дерево, этот обычный и в то же время фантастический материал.

Так же как в названии премии **АрхиWood** объединились русские и английские слова, концепция этого конкурса представляет собой конгломерат из опыта унифицированного, коммерческого применения древесины в массовом строительстве и типично российского трепетно-индивидуального отношения к дереву как живому материалу. Первую ипостась деревянной архитектуры воплощает организатор премии – эксклюзивный дистрибьютор компании HONKA в России ООО «Росса Ракенне

СПб», при всей своей инновативности и приверженности передовым технологиям, все же ассоциирующийся у большинства россиян с загородными домами из бревен и бруса, традиционного, если не сказать консервативного характера. Но, сделав дерево своей идеей-фикс, компания HONKA готова отстаивать его честь и воздавать ему хвалу всеми возможными способами. И в этом стремлении она нашла себе прекрасного союзника – архитектурного критика Н.Малинина. За свою профессиональную жизнь он перевидал, кажется, все самое интересное и неординарное, что было построено за последние 10-15 лет в России – в том числе и из дерева.

Объединение глобального стиля мышления и организационной мощи компаний «Росса Ракенне СПб» и HONKA, таланта, опыта и энтузиазма Н.Малинина, а также, знания пиар- и маркетинговых технологий соорганизатора конкурса Агентства «Правила общения» создало неожиданно яркий и обаятельный конкурсный формат, предельно ясный по специализации и критериям оценки, обладающий четко выраженным социальным и культурным подтекстом и при этом завязанный на актуальные профессиональные вопросы.

На конкурс могут выдвигаться и соответственно претендовать на получение премии практически любые объекты, построенные или спроектированные в течение года с использованием дерева как основного конструктивного, отделочного или декоративного материала. Все поданные на конкурс проекты распределяются по нескольким номинациям, оп-

Жилой дом в Тверской области. Архит. Ф.Арзаманов, Т.Бродач (архитектурная мастерская «Акант»). Победитель в номинации «Функция». Выбор профессионального жюри.

ределяемым Экспертным Советом уже после сбора заявок, что страшает конкурс от появления номинаций с одним или вообще без претендентов.

На первый конкурс **АрхиWood** было подано 150 заявок, из которых Экспертный Совет отобрал только 50 объектов, распределив их по 5 номинациям: Функция (16 объектов), Проект (9), Арт-объект (8), Конструктив (8), Дерево в отделке (9). Нужно отметить, что в каждой номинации присутствовали весьма разнообразные объекты, типологические и количественные (масштабные) различия между которыми зачастую превосходили базовую материальную общность всех конкурсных работ. Например, в номинации «Конструктив» одновременно претендовали на премию такие объекты, как купол над аквапарком с катком из деревоклееных конструкций, спроектированный ЦНИИСК им. В.А.Кучеренко (С.Турковский, А.Погорельцев и др.), остановка из оцилиндрованного бревна проектного бюро «Да» (З.Юрикова, М.Ногинов) и воссозданный рубленый Благовещенский храм, ТМ СМА «Архитектон 3» (Е.Кочеткова, В.Скрипник, В.Бормотов). Среди «Арт-объектов» встречались и величественные сооружения, украсившие собой Николо-Ленивецкие пейзажи, и разнокалиберные лавочки, и медитативные полигоны, созданные для алтайского фестиваля «Города». В самом массовом разделе «Функция» типология была более сглаженной – преимущественно частные загородные дома и надворные постройки, но отличия в стилистике и экономической составляющей обогатили номина-

цию приятным разнообразием. Более ровный, можно сказать респектабельно-ровный деревянно-визуальный ряд присутствовал разве что в разделе «Дерево в отделке».

Отобранные в шорт-лист проекты судило жюри, в состав которого вошли архитекторы Ю.Григорян, С.Головина, И.Уткин, В.Савинкин, глава московского представительства компании «Росса Ракенне СПб» (HONKA) А.Львовский, архитектурные критики Г.Ревзин и Н.Малинин.

Победителем в номинации «Функция» и негласным обладателем «Гран-при» конкурса стал жилой дом в Конаковском районе Тверской области от архитекторов **Ф.Арзаманова** и **Т.Бродач** из архитектурной мастерской «АКАНТ». В номинации «Конструктив» профессионалы отметили профессионалов: победителями стали единоличные монополисты в проектировании большепролетных деревоклееных конструкции в России, фанатики деревянной архитектуры, сотрудники ЦНИИСК **С.Турковский** и **А.Погорельцев**, с коллегами выполнившие проект купола для «Детского развлекательного центра с аквапарком и катком» в Санкт-Петербурге. В номинации «Дерево в отделке» лучшей работой, по мнению жюри, был признан дом на Волге, в Тверской области. Автора этого дома, уже получившего имя собственное – «Пэчворк», московского архитектора **П.Костелова** можно только поздравить, ведь конкуренция у него была весьма жесткой, учитывая присутствовавшие здесь самые разные варианты деревянной

Павильон летней кухни «White Steamer».

Архит. С.Гикало-А.Купцов.

Победитель в номинации «Функция» по итогам народного голосования.

«лохматости» фасадов, изобретенные признанными лидерами этого жанра Д.Долгим (бюро KD), А.Козырем (бюро «Arch 4») и А.Цимайло (бюро «Цимайло, Ляшенко и партнеры»).

Присутствие в конкурсной программе в разделе «Арт-объекты» одной из последних работ **А.Бродского** – павильона «Ротонда», построенного в деревне Николо-Ленивец, предопределило выбор жюри. Немногочисленные постройки Бродского наделены меланхолической поэтичностью и каким-то особым шармом вневременных сооружений, сразу после своего появления становящихся неотъемлемой частью пейзажа.

Уже упоминавшийся мэтр деревянной архитектуры **Д.Долгой** получил заслуженную премию в разделе «Проект». Жюри оценило его концепцию многофункционального туристического комплекса «Метрополия» на берегу Байкала, построенную на контрасте предельно минималистичных внешне объемов и интерьеров, в которых активно использованы мотивы традиционного резного убранства.

Чтобы на деле соответствовать заявленной идее максимально широкой популяризации деревянной архитектуры во всех ее современных проявлениях – от традиционной типологии рубленого дома до эстетски-минималистских объектов – была введена двойная система судейства, при которой решение профессионального жюри дублировало народное голосование, развернутое на сайте премии и во время финальной выставки номинантов на фестивале Арх Москва в рамках

Второй архитектурной Биеннале.

Решения профессионального жюри ни по одной из номинаций не совпали с результатами голосования на выставке и на сайте, что весьма характерно. В главной «функциональной» номинации, по мнению народа, лидером оказался предмет вождения любого дачника – павильон летней кухни «White Steamer» бюро **«Gikalo Kuptsov Architects»**, сделанный для телевизионной программы и перекочевавший с «голубого экрана» на страницы профессиональной прессы и в шорт-листы престижных премий.

Среди «конструктивных» объектов людям приглянулся ресторан, созданный архитектурным бюро **«Карлсон и К»** не где-нибудь, а на Рублевке, и представляющий собой изящный микс из традиций русского модерна и норной типологии хоббитских жилищ с их круглыми окнами и дверями.

Довольно неожиданным оказался результат народного голосования в номинации «Отделка». Обычно не отличающийся симпатией к минималистским постройкам народ выбрал элегантную и стильную виллу в деревне Васильево Ленинградской области, спроектированную немецким тандемом архитектурных бюро **«nps tchoban voss»** и **«Planungsgesellschaft GmbH»**.

В своей оценке арт-объектов непрофессионалы, вероятно, отталкивались от понятных и привычных образов и элементов. Пара скамеек, сооруженных из обычной фанеры, на которых, по откровенному признанию авторов из бюро **INN GROUP**, и сидеть-то толком

Купол в Детском развлекательном центре в С.-Петербурге.

Архит. С.Турковский, А.Погорельцев и др. (ЦНИИСК им В.А.Кучеренко).

Победитель в номинации «Конструктив». Выбор профессионального жюри.

нельзя, но зато спроектированных при помощи компьютерного моделирования, покорила сердца голосовавших своей непохожестью на привычные до оскомины малые архитектурные формы городских скверов и парков.

Среди множества весьма эффектных и остроумных проектов народ выбрал образовательный центр в деревне Покровское архитектурного бюро **«ЭЛИС»**. В такой школе с многосветными залами под гибкими арками из клееной древесины, которую спроектировала команда Н.Лютомского, каждый хотел бы учиться сам или отдать туда своих детей.

Также организаторы разрешили информационным партнерам конкурса присудить свои дипломы. Л.Копылова, главный редактор Интернет-журнала «Э.К.А», наградила **Н.Белоусова** за «Социально-ответственное возрождение и развитие русского деревянного дома на высоком архитектурном уровне». Н.Тимашева, главный редактор журнала «Интерьер+Дизайн», назвала лучшим архитектором в области деревянной архитектуры **Т.Кузембаева**. Его же объект «Курительная» на Курорте «Пирогово» был отмечен нашим журналом «за чувство юмора и рачительность». Интернет-портал «Cottage.ru» вручил приз совместному проекту архитектурного бюро **«Цимайло, Ляшенко и партнеры»** и компании **«Росса Ракенне СПб»** – загородному дому в Новопеределкине. Журнал «Мир и Дом» учредил номинацию «Традиция» и вручил ее мастерской **«Архитектон-3»** за реставрацию Благовещенского храма в Сергиево-Посадском районе. Ю.Во-

робьев, генеральный директор журнала «Дом и Интерьер», присоединил свой голос к решению профессионального жюри и вручил приз **А.Бродскому** за арт-объект «Ротонда». Специальный приз от Курорта «Пирогово» получили **Ф.Дубинников** и **Л.Тулупова** из архитектурного бюро **«МЕЛ»** за реконструкцию загородного дома в поселке «Журналист». Журнал «Деревянные дома» среди всех объектов отметил компанию **«Росса Ракенне СПб»** и ее ведущего архитектора **С.Беднякова** за загородный дом в поселке «Московское море». В заключение нельзя не отметить: объявление о начале сбора конкурсных работ предваряла выставка в корпусе «Руина» Музея архитектуры им. Щусева (дизайн экспозиции В.Кузьмин и В.Савинкин, бюро «Поле-Дизайн») – лучших деревянных построек, созданных в России с 1999 по 2009 годы. В качестве завершающего аккорда организаторы подготовили всем участникам конкурса, голосования и «просто заинтересованным лицам» роскошный подарок – еще одну выставку. Под колоннадой ЦДХ, рядом с главным входом, вырос лес из высоченных брусев. На их перекрещивающихся «стволах» были подвешены планшеты со всеми 50 номинантами. Авторы дизайна, снова В.Кузьмин и В.Савинкин, не погрешив против концептуальности, обеспечили зрителям не только возможность спокойно рассмотреть представленные объекты, но и отдохнуть, при желании, на встроенных в экспозицию скамейках.

Елена Петухова

Первый блок Торговой галереи с парящим над ним выгнутом козырьком-парусом.

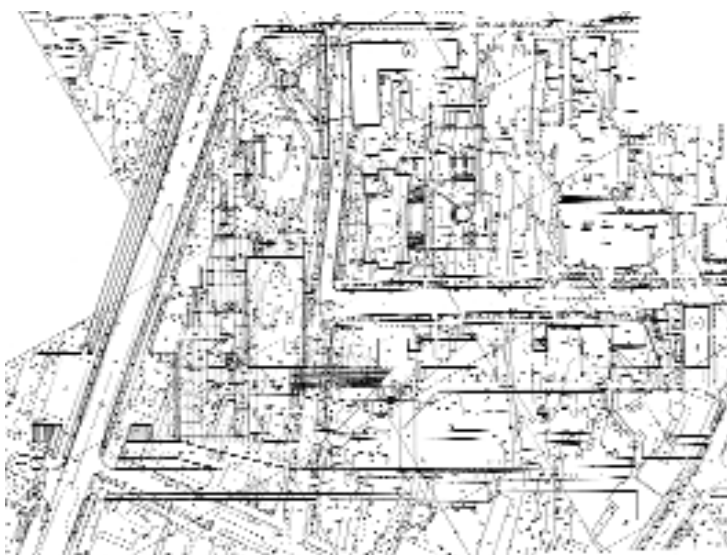
ТОРГОВАЯ ГАЛЕРЕЯ ПО УЛИЦЕ НАВАГИНСКОЙ В СОЧИ – «ВОПРОС РЕШАЕТСЯ» ?

В связи с подготовкой к проведению XXII Зимних Олимпийских игр в Сочи наряду со строительством собственно олимпийских объектов городские власти обязались произвести ремонт, реконструкцию и благоустройство так называемых зон международного гостеприимства, в которые попали наиболее значимые архитектурные объекты. Среди них – Торговая галерея по улице Навагинской, построенная в конце

1960–1970–х гг. авторским коллективом мастерской им. В.А.Веснина института «Мосгражданпроект» (архит. Е.Б.Анцута и В.В.Кузнецов, инж. А.А.Дон и Е.В.Мандель). Однако вместо того чтобы сохранять достопримечательности города, нередко возникает реальная угроза их полной утраты.

Так, начиная с января 2010 г. производится демонтаж выросших в 1990-е гг. пристроек к сочинской Торговой галерее. Вроде бы благо, но одновременно с этим происходит частичная разборка самого комплекса, под снос попал его первый блок.

Ситуационный план.

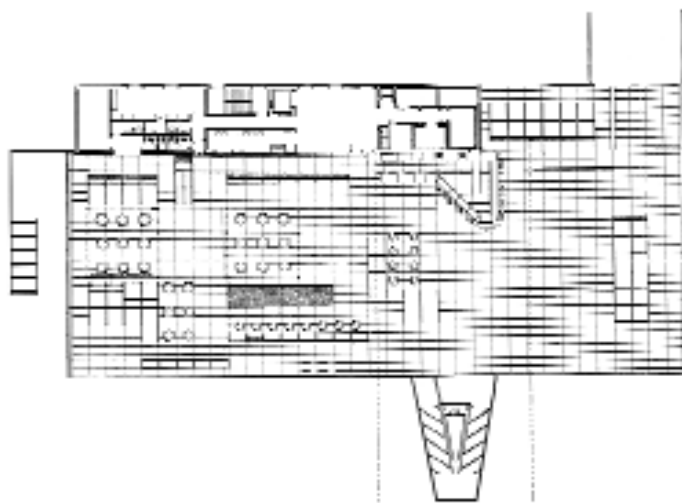
Вид на галерею со стороны Навагинской улицы. Второй блок.

Этот факт не мог не вызвать озабоченности архитектурной общественности. В адрес мэра города Сочи А.Н.Пахомова были направлены письма от президента САР А.В.Бокова, от первого вице-президента МААМ В.Д.Красильникова, от самих авторов проекта Е.Б.Анцута и В.В.Кузнецова, на глазах которых уничтожается их детище.

Торговая галерея, запроектированная в комплексе с 14-этажными жилыми домами, расположенными за ней, по улице Островского, представляет собой единый ансамбль застройки северо-западной части главной магистрали города. Объект протянулся на це-

лый километр от железнодорожного вокзала до Курортного проспекта. Галерея строилась в то же время, что и Новый Арбат в Москве, и показала новое отношение к торговым комплексам как к масштабным человеку зданиям, определяющим облик современного города. Галерея воссоздает черты гостиных дворов и торговых рядов в их линейной версии. Комплекс был составлен из шести блоков, каждый из которых функционировал как автономный объект внутри единого архитектурного ансамбля. Белые пластиковые корпуса соединены между собой легкими переходами в уровне эксплуатируемой

План эксплуатируемой кровли. Первый блок.

Третий блок Торговой галереи.

кровли, которая прежде служила вторым пешеходным уровнем. С улицы на кровлю ведут наружные лестницы.

Каждый из блоков объемно и стилистически подчинен общей композиции. Колоннада открыта в сторону улицы, торговые залы расположены ярусами. Фасады здания обогащены мозаичными панно, цветными витражами, декоративной облицовкой.

Торговая галерея стала уникальным объектом, вместив в себя все необходимое – предприятия торговли и бытового обслуживания, пункты питания и др.

Партер организует благоустроенный крытый тротуар, под навесы которого выходили витрины магазинов, встроенные киоски, озелененные дворики. В пространствах между блоками были бассейны и фонтаны. Была благоустроена и эксплуатируемая кровля здания, где размещались цветники, малые архитектурные формы, небольшие бассейны, декоративное мощение, появились кафе, магазины, зрительные залы.

В 1990-е гг. бассейны ликвидировали, участки их расположения застроили, зеленые дворики, цветники и колоннада скрылись за стеной разношерстных строений, вход в которые был устроен со стороны галереи, а их задние фасады оказались развернутыми на главную улицу города. Уродливые, разновысотные объемы нарушили сложившуюся архитектурную целостность.

Е.Б.Анцута, автор проекта, с болью рассказывает, как, оказавшись в конце 1990-х гг. в Сочи, ужаснулась увиденному. Утешала себя тем, что объекты временные, и их всегда можно будет убрать. Но временные постройки сменились капитальными строениями, образовавшими торговый пассаж, а проще сказать – рынок, слепок нынешней действительности.

В связи с подготовкой к проведению Олимпийских игр пристройки принялись сносить, частично открылся фасад торговой галереи. Но после Нового года Е.Б.Анцуте позвонила бывшая заказчица и сообщила о сносе первого блока – изящного двухцветного здания-павильона с парящим над ним выгнутом козырьком-парусом. Сохранен только каркас здания, над которым возводятся дополнительные этажи – и это на фундаментах одноэтажного здания в сейсмической зоне. Подобная реконструкция, по всей видимости, ждет и остальные корпуса галереи.

Архитектурная общественность выступила с инициативой поставить уникальный объект эпохи 1960-1970-х гг. на учет в качестве вновь выявленного памятника культурного наследия. Однако надо отдавать себе отчет, что известие об этом лишь подтолкнет инвесторов и стоящих за ними сил к известным способам «решения вопроса»...

Алла Павликова

НОВЫЙ СИМВОЛ ЕРЕВАНА

«Авангард Моторс» сделал выбор. В прошлом номере «АВ» опубликован материал, посвященный результатам Международного открытого конкурса на разработку архитектурной концепции Делового центра с гостиничным комплексом Intercontinental в Ереване, организованного компанией «Авангард Моторс».

Несколько лет назад компания выкупила принадлежавший Министерству культуры республики Дворец Молодежи. Здание, считавшееся одним из символов города, было снесено до основания, однако предложить взамен иное достойное архитектурно-градостроительное решение «Авангард Моторс» не смогла. Проведение конкурса не особо изменило ситуацию, так как при подведении итогов присуждены были только 2-е и 3-е места. Было принято решение провести 2-й тур конкурса, к участию в котором допустили шесть финалистов из представленных в первом туре 280 проектов.

И вот, наконец, свершилось: 1-е место решено было отдать японцу Киоказу Араи, соавтору Р.Муллагильдина по ряду уфимских проектов и реализаций.

Высотной доминантой нового многофункционального комплекса в Ереване станет 101-метровый корпус отеля Inter Continental. Помимо гостиницы комплекс включает в себя бизнес-центр, жи-

лой блок, торгово-коммерческую зону и автостоянку, рассчитанную на 2000 машин. Все объекты объединены расположенной по центру плазой с каскадом террас. Также в составе комплекса запланированы пять типов садов. Отправной точкой при разработке проекта стали два обстоятельства: во-первых, органичное вхождение комплекса в существующий ландшафт и, во-вторых, учет открывающихся из этой точки панорам города и священной горы Арарат. Раскрытие комплекса в направлении Арарата совпадает с преимущественной ориентацией на юг. Своими очертаниями отель напоминает большую вершину Арарата, жилой же блок – малую вершину. Офисный и жилой блоки как бы распахивают свои объятия в направлении одной из главных осей города – проспектом Теряна. Тем самым урбанистическое влияние комплекса распространяется на весь Ереван, он как бы берет его под свое крыло.

Анисия Борознова

АРХИТЕКТУРНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
КАК ЗАРНИЦЫ СЧАСТЬЯ?
Из фотоархива Петра Скокана 1940–1950-х

В апреле – мае в МУАРе прошла выставка «Фотоархив архитектора Петра Скокана. Северные экспедиции. 1943 и 1950. И.В. Жолтовский, школа-мастерская. 1949–1959», организованная Александром Скоканом, племянником архитектора. Идея экспозиции возникла параллельно с готовящейся передачей в фонды музея семейной коллекции, состоящей из десятка коробок с фотопленками и негативами (в основном ч/б, но есть и цветные).

Выставка носила камерный и, разумеется, произвольно-выборочный характер: полтора десятка планшетов, вобравших в себя без малого полторы тысячи фотоснимков, относящихся к двум заявленным темам – малую толику всего домашнего архива, плюс пара мониторов, дублирующих стационарный фоторяд. Их сопровождали подборка статей из тогдашней профессиональной периодики, посвя-

щенных архитектуре, и актуальные эссе, принадлежащие А.Скокану и Ю.Волчку и имеющие целью наведение мостов между демонстрируемым материалом и нынешней социокультурной ситуацией. Перед нами, казалось бы, непритязательная репортажная фотофиксация (у П.Скокана с некоторых пор камера «Кодак» была едва ли не постоянно при себе) – со сбитыми, размытыми, изредка

Из раздела
«Северные экспедиции. 1943 и 1950».

Из раздела
«И.В.Жолтовский, школа-мастерская. 1949- 1959».

засвеченными кадрами, которые авторы экспозиции сознательно включили в общий ряд, не пожелав, по их словам, фильтровать и подвергать цензуре исходный материал. Она не претендует на художественность и вневременность (у П.Скокана и без того имелись возможности творческого самовыражения – помимо архитектуры это были живопись и графика), однако время от времени произвольно дотягивается до этой планки, претерпевая «чудесное превращение обыденного и незначительного в знаковое» (А.Скокан). Очевидно, в данном случае можно говорить о смешанном художественно-документальном жанре, обладающем, как подчеркивает Ю.Волчок, ценностью подлинности. Первая часть экспозиции, посвященная материалам историко-архитектурных экспедиций на Онегу и в Архангельскую область – это неторопливое, обстоятельное повествование о Русском Севере, представляющем неким «затерянным миром», его природе и рукотворной среде – от предметов нехитрой утвари

до сливающихся с ландшафтом построек: церквей, в большинстве своем деревянных, с деревянными же колокольнями, жилых домов, амбаров и сараев, мельницы (представляющей предтечей как конструктивизма, так и местного – дощатого - извода декона), освещенных неярким северным светом, который не сильно меняется от сезона к сезону. Вероятно, самые запоминающиеся сюжеты – расписанные «небеса» и резные деревянные иконостасы – сколько их дошло до нашего времени? Что бросается в глаза, так это опустыненность территории, люди если и появляются в кадре, то это, по большей части, «свои» - участники экспедиции. Война катком прошла по стране – или есть иное объяснение?.. Большая половина экспозиции – это неустанное фотодокументирование последнего десятилетия жизни И.В.Жолтовского, включая церемонию прощания и памятник на могиле великого зодчего. Строительство ипподрома на Скаковой и магистральных жилых домов, мастер на стройплощадке, диалог с заказчика-

людьми в военной форме и серых плащах свободного покроя. Жолтовский-Учитель, глава архитектурной школы, в окружении учеников и домочадцев, консультирующий у себя на даче. Взгляд архитектора-фотографа не обходит многочисленные светские мизансцены: застолье, прогулки и гуляния, катание на лыжах, выездка лошадей - и, конечно, беседы об архитектуре. Вот маэстро доставляют на автомашине в «Моспроект». Вот он выслушивает доклад кого-то из строителей – определенно не начальника, из низшего звена. Вот – последний его взгляд, взмах руки.

А.Скокану видятся за этой фотолентой зарницы счастья, по слову Л.Толстого, а то и «сплошной праздник». Архитектурная повседневность, оборачивающаяся перманентной радостью профессионального бытия. «Жаль, что нас там тогда не было» - заключительные щемящие строки предпосланного выставке авторского слова. Это ностальгия вовсе не по своей архитектурной юности, но по предшествующему ей «Золотому веку», безвозвратно канувшему в лету. По сути, приговор дню сегодняшнему.

Дмитрий Фесенко

ПОСТГРАДЬЮЭЙТ

В Москве начало работу первое негосударственное учреждение последипломного образования с архитектурным уклоном – «Стрелка». А вместе с ним отличный бар и публичная лекционная и семинарная площадка, где показывают кино, говорят о будущем и пытаются его проектировать. Причем все это в самом центре города на месте блока галерей «АртСтрелка» у подножия Патриаршего моста, на Берсеневской набережной. В бывших фабричных гаражах, служивших несколько лет галереями, теперь размещены учебные аудитории, в просторном дворе стоит большой экран для кино и поменьше – для лекций и круглых столов, на крышу здания бара (по совместительству – его террасу) ведут вместительные трибуны, в отделке преобладает дерево, и все вместе, хотя и сделано без апломба, но выглядит сущим роскошеством в контексте московской застройки. Полное название постграда – Институт медиа, архитектуры и дизайна – отражает широту интересов учредителей, среди которых основатель издательского дома «Афиша» Илья Осколков-Ценципер, предприниматель Александр Мамут и владелец компании Yota Сергей Адоньев. С другой стороны, эти направления действительно имеют много общего, поскольку все три понятия стали в последнее время излишне всеобъемлющими, а если говорить о них как о профессиях, то каждая по-своему испытывает кризис, предвещающий новое переосмысление. Впрочем, поскольку для разработки учебной программы пригласили Рема Кулхаса, то становится ясно, что архитектура занимает не второе, а центральное место. 25 мая в день открытия «Стрелки» Р.Кулхас рассказал об основных направлениях программы, а учредители о режиме и условиях обучения. Студентов приглашают на 8 месяцев. Причем поступить сюда могут не только архитекторы, но специалисты из любых областей, закончившие вуз и хорошо ориентирующиеся по всем заявленным направлениям. «Стрелка» надеется привлечь не только москвичей, поэтому обещают бесплатное проживание, а также стипендию. Первые два месяца (учеба нач-

нется в октябре-ноябре) будут проходить установочные лекции и семинары, дальше произойдет разделение по группам, в каждой из которых будет рассматриваться отдельная тема. Студенты будут не только теоретизировать, но и работать с реальными кейсами. На открытии голландец озвучил 5 тем, одну из которых будет вести он, еще две – его сподвижники из АМО, а 2 – российские преподаватели, чьи имена пока не озвучены. Студенты смогут позаниматься вопросом «сохранения». Речь идет о наследии и поиске жизнестойчивого решения противостояния тех, кто хочет строить новое, и тех, кто не может расстаться со старым. Выбравшие тему «энергия» займутся проектированием перспективы российской жизни, независимой от продажи энергосырья. В группе «истоньшение» будут говорить о мобильности населения, зависимости экономического упадка и роста на разных территориях и т.д. Тогда как студенты из «проектирования» углубятся в проблемы практического и идеологического значения дизайна. Ну а пятой темой станет «общественное пространство» – зачем оно, каково оно, есть ли оно в виртуальном мире и т.п. Нельзя сказать, что этот список неожиданный, все эти темы топовые, однако в России на уровне какого-либо архобучения они звучат ... скажем, не в полную силу. Тем временем их потенциал доказала летняя фестивальная программа «Стрелки». На сегодняшний день эта площадка вызвала такой поток информации, что профессионально неориентированному человеку в нем становится тяжело, зато узкозаточенные интересные получили возможность узнать массу нового и захватывающего. Каждый день здесь по 2-3 события, и ни одно не остается без слушателей, а спикеры приезжают со всего мира. Само же физическое пространство привлекает своей динамикой и открытостью, за счет чего «Стрелка» оказывается на грани того, чтобы стать реальным вариантом концепции «третьего места» (первое-дом, второе-офис), где возникает столь важная для креативных индустрий возможность пересечения работы, общения и отдыха в этом процессе.

Мария Фадеева

Человечество находится на исторической развилке!
Каким будет наше будущее?
Сможем ли мы выйти на траекторию устойчивого развития?

«Нанотехнологии в строительстве – Архитектурный заказ» Концептуальный архитектурный конкурс

Постановка задачи:

Нанотехнологии, применяемые сегодня в строительстве, не являются прорывными, предлагая частные решения в конкретных случаях. Между тем в рамках Шестого кондратьевского технологического уклада стройматериалы должны войти в число т.н. несущих отраслей. Быть может, нашим ученым и инженерам не вполне вняты направления, которые стоит развивать? Что потребно архитектуре ближайшего будущего? В чем испытывают профессиональную нужду архитекторы? В то же время есть подозрение, что и сами они до конца не осознают профессиональные потребности – в их связи с надвигающимся будущим. На прояснение этих чаяний и ориентирован настоящий конкурс.

Цель конкурса:

Сформулировать архитектурный заказ нанотехнологической отрасли на новые стройматериалы.

Задание конкурсантам:

Основываясь на образах архитектуры будущего, распознать потребность в новых стройматериалах с заданными свойствами.

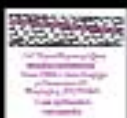
АРХИТЕКТУРНЫЙ
ВЕСТНИК

Организаторы конкурса:

Союз архитекторов России / Нанотехнологическое общество РФ / ИПМ им. М.В.Келдыша РАН /
Научно-технический центр прикладных нанотехнологий, г. С.-Петербург / журнал «АВ»

Жюри конкурса:

Георгий Малинецкий, Андрей Пономарев, Андрей Боков, Александр Асадов, Николай Лызлов, Владимир Плоткин, Дмитрий Фесенко, Владимир Юдинцев.

Генеральный спонсор конкурса: Научно-технический центр прикладных нанотехнологий, г. С.-Петербург.

Спонсор: ООО «Данфосс».

Призовой фонд: 80 тысяч руб.: 1-я премия – 40 тыс. руб., 2-я премия – 25 тыс. руб., 3-я премия – 15 тыс. руб.

Поощрительные премии – публикация проекта в журнале «Архитектурный Вестник», №1 за 2011 г.

Презентация проектов-победителей пройдет в Манеже в рамках Фестиваля «Зодчество» в октябре 2010 г. С краткими докладами, расширяющими представление о нанотехнологиях и их применении в современной практике, выступят вице-президент Нанотехнологического общества Г.Г.Малинецкий и Генеральный директор НТЦ прикладных нанотехнологий А.Н.Пonomarev.

К участию приглашаются дипломированные архитекторы, студенты архитектурных вузов и факультетов.

Конкурсанты представляют:

- видеопрезентацию в программе Power Point продолжительностью до 1 минуты, иллюстрирующую основную идею авторов (в виде ролика или слайд-шоу с пояснительным текстом – до 100 слов, интегрированным в визуальный ряд). В качестве РЕЗЮМЕ – подробное описание свойств материала, используемого в конкурсном проекте;
- в отдельной папке иллюстрации и текст (Microsoft Word) для публикации в журнале. Иллюстрации – 350 dpi (175 lpi), CMYK, TIFF – без компрессии, EPS с 8-bit TIFF-preview, DWG – для архит. графики из CAD-программ, PDF – архит. графика;
- предваряющий презентацию 6-значный девиз;
- CD с презентацией, сопровождаемый прилагаемым запечатанным конвертом с тем же девизом, содержащим имя автора (авторов).

CD с конвертом принимаются в Доме на Брестской, Москва, ул. 2-я Брестская, 6, комн. 126,

тел.: (495) 650-1372 с 11.00 17 сентября по 18.00 24 сентября 2010 г.

Справки по тел.: (495) 251-6926, 251-6615.

ОБ «АРХИТЕКТУРЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЕКТАХ XX ВЕКА», ПРОБЛЕМАХ АРХИТЕКТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И АРХИТЕКТУРНОЙ ГРАФИКЕ Мнение «оппонента»

Уважаемый коллега Михаил Николаевич Туркатенко подарил мне свою недавно вышедшую книгу с многозначительной провокационной надписью «Уважаемому оппоненту Мелодинско-му от автора» с явным намерением получить от меня отзыв.

В своём труде Туркатенко затронул тему перспектив развития современной архитектуры, в контексте политики, экономики, культуры, а также нынешнего архитектурного образования. Я коснусь только проблем архитектурного образования, наиболее близких мне, хотя понимаю – абсолютно изолироваться от прочего невозможно. Все взаимосвязано, поэтому изначально мой подход имеет слабости.

Михаил Туркатенко – один из немногих профессоров МАРХИ и мыслящих архитекторов, которые озабочены судьбами альма-матер и постоянно генерируют новаторские идеи модернизации архитектурного образования. В отличие от других он не занимается кулуарными сплетнями, в открытую ведёт предельно острую полемику: «Иду на Вы – защищайтесь!» Поскольку главные стрелы направлены в сторону кафедры Основ архитектурного проектирования (ОАП) и её научно-методической школы архитектурной пропедевтики

Ладовского-Кринского – иначе, Основ архитектурной композиции, приходится либо в страхе прятаться в кусты, либо вступать в вынужденный спор.

Следует также заметить, что Туркатенко свои мысли внятно изложил в прессе (не сегодня в разгар сомнительной перестройки, придуманной чиновниками Минобрнауки и науки, а задолго до этого), дал толковое обоснование и высказал ясные перспективы инноваций. Главная мысль: так жить нельзя, давайте работать на будущее! Вызов принимаем. Без эмоций, вдумчиво обсудим проблемы.

Чем ещё интересен наш герой? Он каждую здравую мысль доводит до абсурда, она обнажается, становится предельно ясной.

Примеры подобных заявлений:

- Современное качество (архитектурного образования – Д.М.), даже в главной архитектурной школе – МАРХИ, с моей точки зрения, чрезвычайно низкое и неэффективное и не нацелено на подготовку архитекторов XXI века.

- Два года студенты занимаются по абсолютно непродуктивной программе, на мой взгляд, консервирующей в них «школярское» отношение к обучению и воспитывающей у них стойкое убеждение, что графический лист – это и есть архитектура – так это же традиция.

- Преподаватели ФФП (факультет фундаментальной подготовки) убеждены, что все беды от плохой подготовки студентов на ФОПе (факультет общей подготовки – первые два года

обучения), а преподаватели ФОПа – от того, что на ФФП не могут, не умеют раскрыть тот «мощный» потенциал, который был заложен в студентов на младших курсах. Все кивают друг на друга, но результат от этого, естественно, не улучшается.

- В первую очередь должна произойти модернизация главного, интегрирующего все другие дисциплины предмета подготовки архитекторов – архитектурного проектирования. Как представляется, он должен начинаться с первых дней обучения в институте, пока мозги у студентов свежие и не замутнённые ненужной информацией, именно как проектирование (никаких «беседок Нерастанкина», отмывок шрифтовых досок, архитектурных деталей, перспектив и т.д.), и первые два года строиться не по «функциональному» принципу, а по принципу проектирования и изучения фундаментальных для всех архитектурных объектов структурно-пространственных паттернов.

- Совершенно необходимым представляется введение с первого года обучения такого курса, как «Теория архитектурной композиции». Этот курс должен включать как лекции, так и практические семинарские занятия. Очевидно, что этот курс будет довольно трудно организовать – насколько я знаю, общепринятой теории архитектурной композиции, как и композиции вообще, не существует.

- Более того, не совсем понятно, что такое – композиция, особенно в её современном понимании. Ну, так ведь этим надо заниматься, если в институ-

те рискуют преподавать архитектурное проектирование.

Согласившись со многими мыслями автора, выделим, на наш взгляд, главную: что же собой являет в нынешнем виде архитектурное проектирование? Ясно, что проектирование меняется, но в чём новизна? От этого зависит и ответ на вопрос, как организовать его трансляцию, понимая его значимость как культурного достояния.

Сегодня трудно спорить с положением, что функционально-типологическая стабильность как основа проектной философии ушла в прошлое. Поэтому согласимся, что набирать профессиональный опыт за счёт перебора разнообразных типологических объектов – занятие бессмысленное. Между тем большинство архитектурных педагогов-практиков продолжают отстаивать мнение, что качество обучения в первую очередь зависит от наращивания количества проектных заданий, начиная с появления студента в институте. Их довод – здравый смысл, не подкреплённый научными основаниями. Но кто сегодня будет оспаривать, что педагогика – это наука? Проблемы общей педагогики и частных методов должны решаться только на встречах направлений. Педагогика формулирует свои концепции на основе анализа эмпирического опыта практиков, практическая дидактика в частных проявлениях (конкретных сфер образования, архитектуры в том числе) учитывает рекомендации научных теорий научения. Более всего в дискуссиях по поводу модернизации учебного процесса слышны голоса практиков, предлагающих свой личный опыт в качестве основы принятия окончательных решений. Тем не менее, в МАРХИ есть Лаборатория архитектурной педагогики, возглавляемая Н.Метленковым, которая, на наш взгляд, кроме сомнительных комментариев по поводу смысла организационных форматов третьего федерального образовательного стандарта, ничего внятного сказать не может, что могло бы повлиять на представления практиков. Показательно: в рассуждениях Туркатенко её деятельность даже не упоминается.

Возражений практикам возникает достаточно: первое – по какой восхо-

дядей траектории следует выстроить динамику постановки конкретных проектных заданий? Часто говорят: начинать надо с простого и двигаться к сложному. Тогда – что считать менее, а что более сложным? Индивидуальный жилой усадебный дом или многоквартирный многоэтажный современный корпус? А. Щусев утверждал: малый дом сделать сложнее.

В нём компоновочные связи, жёсткие ограничения при сочетании объёмно-пространственных компонентов и функционально-планировочные отношения предельно минимизируют вариативные схемы. Между тем, известные типовые схемы в многоэтажном жилом доме только количественно мультиплицируются без особой доли проектного креатива.

Второе – как много следует задействовать типологических объектов, чтобы учащийся смог для себя вычленив общий метод, позволяющий постигнуть суть проектной деятельности? Согласимся: безусловно, некий разумный ограниченный набор должен присутствовать. В первую очередь тема жилища, ряд общественных сооружений разного функционального наполнения, планировочная тематика, захватывающая проблемы архитектурной среды, и т.д. Общая педагогика, опираясь на методологические изыскания, даёт недвусмысленный ответ: путь подобного многочисленного перебора – неэффективен. Он соответствует ассоциативной психологической теории научения. Это детище эпохи Просвещения и основывается на накоплении и переработке чувственного эмпирического опыта. Метод извлекается индуктивным путём на основе предоставления и анализа конкретных фактов. Сегодня другая эпоха. Главное в ее рамках – ответ на вызов времени, учёт возрастающей интеллектуализации общественного сознания в различных его формах: научной, художественно-образной, морально-нравственной. Если в XVIII-XIX веках идеи эмпирической теории мышления составляли методическую базу развития естественных наук, в том числе психологии, педагогики, дидактики, то в XX веке такая опора оказалась недостаточной. В современных условиях окружающая среда века действительность предстаёт не

в своём естественном виде, а в содержании, опосредствованном коллективным опытом человечества, в предметном значении. В усвоение этого содержания вмешиваются продукты научной деятельности, создающие новые пласты, представленные во всех формах культуры. Человек проживает в этом новом развивающемся культурном поле. Формы его сознания «выращиваются» соответственно этому культурному состоянию (В.Давыдов. Проблемы развивающего обучения).

Следует от конкретики обращаться к обобщениям и выходить к абстракциям, раскрывающим алгоритмы деятельности. Иначе, как выразился профессор Н.Былинкин, архитектурную практику как профессиональную деятельность нужно постигать не в виде арифметики, а в виде алгебры. Ему вторит другой маститый профессор, много сделавший для развития методики архитектурного проектирования – Б.Бархин: «Сегодня школьники складывают не два яблока с тремя, но А+В как абстрактные величины. Они свободно ориентируются в абстрактных представлениях, усваивая алгоритмы действий, иначе метод воспроизводства творческих операций». Есть ли в этом сегодня нечто неожиданное в освоении архитектурного проектирования? Ничего такого нет. Следует только внимательно отнестись к научно-методической школе Ладовского-Кринского. Все ответы как в теоретическом, так и практическом плане в ней содержатся. Они строго аргументированы, логичны и апробированы полувекковой педагогической практикой. Таким образом, второй отстаиваемый нами подход – двухэтапный с включением архитектурной пропедевтики на основе формально-аналитического композиционного практикума (знаковая теория научения, сочетающаяся с операциональной моделью). Он соответствует признанным ныне моделям научения, разработанным выдающимися отечественными учеными – В.Давыдовым, Д.Элькониним, Э.Ильенковым, А.Матюшкиным (теория развивающего обучения), П.Гальпериним, Н.Талызиной (теория поэтапного формирования новых знаний и действий), Т.Кудрявцевым, Ц.Лернером и др. (теория проблем-

ного обучения).

В отличие от многих своих коллег Туркатенко убеждён, что проектной деятельности надо учить по изложенному второму методу, т.е. с включением формально-аналитической композиционной практики, а не ограничиваться конкретными темами. Тут мы с ним абсолютно солидарны. Правда, эти отвлечённые алгоритмы деятельности он определяет как паттерны. Паттерн (англ. design pattern) – многократно применяемая архитектурная конструкция, представляющая решение общей проблемы проектирования в рамках конкретного контекста. Паттерн не является законченным образцом проекта, который может быть прямо преобразован в код. Понятие «паттерн» реализует идею архитектора К.Александера, которую можно воспринять как некий алгоритм решения ряда сходных типологических задач. Если проанализировать принципы и методику ОПК, разработанную основоположниками школы архитектурной пропедевтики Ладовским и Кринским, то не останется сомнений, что все её положения в английской транскрипции, так уважаемой Туркатенко, есть ничто иное, как паттерны. Здесь мы с ним солидарны в полной мере. Оказывается, мы говорим об одном и том же, только называем по-разному.

В чем принципиально расходимся и будем возражать по существу, так это выдвигаемая Туркатенко мысль, что якобы нужно исключить полностью графическую часть первичной подготовки учащихся, заполнив её проектной практикой. Странно, что Туркатенко не понимает всю важность и смысл архитектурного выразительного языка и места этого практикума в освоении профессии архитектора.

Вот ему вторит в блоге и некий студент 3-го курса МАрХИ в отзыве на статью преподавателей кафедры Основ А.Гурьяновой и Л.Красиловой об опыте руководства учебным проектированием жилого дома на завершающем цикле обучения на ФОПе (АВ, №5, 2008). Хватит отмывок кистью, обучайте нас компьютерной графике.

Цель архитектурного проектирования, несмотря на наличие утилитарно-практической составляющей –

художественный продукт, обладающий коммуникабельностью, способный вызывать эмоции, будить ассоциации и образные представления. Основой такой коммуникабельности, как и в любом другом искусстве, является художественно-выразительный язык, имеющий многослойную структуру.

Язык архитектуры изобразителен. В его основе лежат видимые предметные формы. Однако в архитектуре авторская художественная модель передаётся потребителю не посредством воссоздания действительности, как в фигуративной живописи, а в логике творения. Архитектура может осуществлять передачу эмоций и чувств через метафору. И сила такого воздействия, как показывает исторический опыт, чрезвычайно велика. Выразительный язык архитектуры – это не только средство коммуникации, столь необходимый в архитектурной деятельности, но и форма мышления, в которой реализуется проектная практика. Каждое движение руки, воспроизводящее образ архитектурной формы – это и движение архитектурной мысли. Как можно говорить в таком случае об избавлении от архитектурной графики? Не освоив первичных навыков визуальной коммуникации в различных её разновидностях: графика, макетирование, компьютерные средства, невозможно говорить о проектной практике. Год, отводимый для такого усвоения архитектурного языка, как показывает опыт московской школы – вполне разумный срок. А нетерпеливому студенту хочется сказать: лидеры современной западной архитектуры в процессе генерации стилистических идей, особенно в начальной стадии, с компьютером не работают, предпочитая ручную графику. Примеры – З.Хадид, Д.Либекинд, Ф.Гери и др. Всю черновую работу они перепоручают «рабам», – тем, кто не состоялся как архитектор, но отлично овладел компьютерными технологиями воспроизведения идей. В нашем отечестве – примерно такая же ситуация. Очень редко, когда креативные и ремесленные способности совпадают. Известно высказывание З.Хадид относительно того, как важен для неё этот начальный этап эскизирования

без участия компьютера. Более того, она утверждает, что современный архитектор теряет эту способность, чем обедняет свою ремесленную профессиональную базу. «Нынешнее поколение не понимает рисунков и эскизов, потому что сами рисовать уже не умеют – все перешли на компьютер. И это, думаю, порождает проблемы».

Знайте, если вы нажимаете кнопку «клавы», значит, за вас уже кто-то выполнил какую-то работу. Он, конечно, сэкономил ваше время, но отнял у вас толику творческой энергии. Он творец, а вы раб, пассивный наблюдатель. Таким вы и останетесь в своей архитектурной практике.

Есть у нас и серьёзные возражения по поводу отсутствия архитектурной теории и архитектурной композиции как её важнейшей части. В предмете обучения нет достойного содержания. Непонятно, чему учить. Нигилизм зашкаливает. Похоже, Михаил Николаевич банально проспал и не отследил ряд появившихся крупных работ в этой области. Отметим некоторые из них, касающиеся проблем поэтики, семиотики, разработки композиционных категорий и принадлежащие А. Иконникову, И. Добрицыной, Т. Славиной, А. Рябушину, Н. Смолиной, И. Азизян, А. Раппапорту, И. Шевелёву и др.

Очень сложный вопрос, связанный с разрывом между первым, подготовительным этапом обучения студентов – ФОП, и вторым факультетом фундаментальной подготовки – ФФП. Должна ли одна команда преподавателей во главе с лидером вести учебный процесс с 1-го по 5-й курс или следует менять педагогов? Например, в 50-60-е годы семейная команда Бархиных успешно следовала первой модели. Я прошёл другую школу – ведущие педагоги менялись каждый год. Но какие! 1-2-й курсы – И. Мельчаков, З. Петунина, Д. Хрипунов. 3-й курс – В. Кокорин, И. Гайнутдинов, Н. Курочкин. 4-й – А. Душкин. 5-й – пром: Е. Попов, Л. Солнцев; градо – В. Шквариков. И, наконец, диплом – весь 6-й курс: Б. Рубаненко, Я. Белопольский, С. Тургенев. Мне второй вариант больше по душе. Сколько мы узнали разных по художественному почерку, философскому подходу великих мастеров, оста-

вивших свой след в советской архитектуре и передавших эстафетную палочку нашему поколению. Вряд ли одна команда наставников при всех её достоинствах смогла бы в таком разнообразии раскрыть все горизонты профессии. На наш взгляд, лучшим вариантом была бы возможность осуществления некоей преемственности, когда, скажем, один из преподавателей раньше встречается с группой (допустим, с начала 2-го курса), а другой остаётся на год-два на старших курсах. Ведь такая практика раньше существовала, и она позволяла избегать тотального разрыва, который сегодня принял уродливые формы.

Предисловие к опубликованному сборнику профессор Михаил Николаевич кокетливо назвал «Записки дилетанта», дополнив впечатление своим трогательным портретиком, на котором мы видим милое улыбающееся личико трёхлетнего ребёнка. Будто призывает – не обижайте малыша. Однако, как мы убедились, это строптивый интеллеktуал, хорошо образованный профессионал, опытный педагог, готовый с азартом отстаивать свои позиции, а главное – не равнодушный ко всему происходящему. Желаем ему успеха.

Д.Л. Мелодинский,
профессор МАрХИ

Рисунки Ле Корбюзье.

Насколько я знаю, Ле Корбюзье не был замечен в умении отмывать.

Что не помешало ему стать одним из наиболее выдающихся архитекторов XX века.

ПОДМЕНА СМЫСЛОВ

Я благодарен проф. Д.Л. Мелодинскому за развернутый отзыв на мою книгу, пусть и только касательно вопросов архитектурного образования, которые по понятным причинам наиболее близки нам обоим и которые сегодня в свете реформы системы высшего образования в России являются особенно актуальными. Позволю здесь уточнить некоторые мои позиции по поводу этого самого архитектурного образования, которые уважаемый оппонент либо не захотел понять, либо сознательно искажил, несмотря на отмеченный им «стриптиз» этих позиций.

Как следует из текста Дмитрия Львовича, основные наши расхождения связаны с почти гамлетовской дилеммой – «Отмывать или не отмывать». И здесь я предстаю в рассуждениях Д.Л. в качестве этакое апологета компьютера, отрицающего ручную графику и лишаящего студента, а значит – и будущего архитектора важнейшей составляющей профессионального архитектурного проектного языка. Искренне не понимаю, где ему удалось это найти в моих текстах.

Да, я против отмывки и других графических заданий, которые сегодня все еще практикуются на кафедре ОАП. Но дело в том, что они, строго говоря, не являются проектным языком, т.е. используемым в процессе проектиро-

вания, а представляют из себя язык финальной презентации, применяемый уже тогда, когда все придумано и осталось только изобразить «картинку», выгодно представляющую результат творческих мучений. К тому же язык чрезвычайно трудоемкий, требующий много времени и чисто технических усилий. А компьютер сегодня позволяет делать все то же самое, только значительно быстрее и качественнее, освобождая тем самым время и силы для действительно творческой деятельности, т.е. непосредственно проектирования.

«Ручная работа» нужна именно в процессе эскизирования, и ее значимость здесь никто не отрицает, касается ли это ручной графики или макетирования. Но ее невозможно и не нужно делать особым отдельным абстрактным заданием, оторванным от содержательной части – проектирования.

Иначе это будет подобно усилиям изучить японский язык просто путем перерисовывания замечательных по красоте японских иероглифов. Даже если для этого будут куплены самые лучшие кисти, рисовая бумага и натерта китайская тушь, таким методом можно будет научиться только имитировать японские тексты, вставлять их в рамочки и развешивать по стенкам. Но заговорить не удастся никогда. Да и имитация будет годиться только для тех, кто японского не понимает.

Такие графические упражнения приводят к тому, что к третьему курсу студенты просто не умеют эскизировать, в чем я постоянно убеждаюсь в ходе моей скромной преподавательской деятельности (а я вплоть до диплома принципиально не рассматриваю эскизы, сделанные с помощью компьютера, иставляю студентов делать много эскизных макетов). Возможно, они и могут делать прекрасные отмычки, но проектным языком не владеют. Их ведь этому не учили или учили недостаточно, тратя время на задания, которые может в принципе выполнить и человек, далекий от архитектуры, но владеющий определенными графическими навыками. И зачем это?

Но это еще полбеды. Ведь даже если владеешь языком эскизирования, надо знать, зачем он нужен, т.е. понимать, что из себя представляет объект проектирования. И настоящая беда в том, что студенты к тому же третьему курсу абсолютно не представляют себе, а что это такое – архитектурный объект. Про «картинку» на плоскости благодаря «отмычке» они еще как-то знают, а то, что архитектура существует в пространстве и ради пространства – не догадываются. А уж про то, что у архитектурных объектов есть объективные закономерности внутренней организации – даже и не слышали.

Для меня очевидно, что такое «запоздалое развитие» студентов напрямую

связано с перегруженностью программы младших курсов «показушными» графическими заданиями в ущерб проектированию. Насколько я понял из высказываний заведующей кафедрой Основ архитектурного проектирования проф. Н.А.Сапрыкиной, это осознают и на этой кафедре, планируя еще в большой степени замещать ряд графических упражнений проектными. В связи с этим вопрос о том, когда и с чего начинать непосредственное проектирование, становится в институте одним из наиболее важных.

И в этой ситуации для меня уж совсем непонятно продолжающееся разделение проектных кафедр по «возрастному признаку». Если раньше это было хоть логично – кафедра ОАП занимается графической подготовкой студентов двух младших курсов, после которой, начиная с третьего курса, под руководством выпускающих кафедр они начинали проектировать, то сегодня, когда все вроде стремятся учить одному и тому же, зачем разделять педагогического состава института должна быть механически отсечена от решения вопросов, связанных с первыми шагами студентов в проектировании. Им ведь потом с этими студентами «мучиться», в том числе делать дипломные работы. И нести ответственность перед выпускниками за

качество их профессиональной подготовки в вузе. Очевидно, что у педагогов кафедры ОАП есть свои, наверное, вполне обоснованные претензии к работе выпускающих кафедр. Так не лучше было вместо взаимных неудовольствий решать все вопросы, связанные с обучением студентов, в рамках единой структуры и единой программы подготовки бакалавров архитектуры? Тем более, что это звание получает новое качественное содержание в рамках III стандарта обучения, становясь свидетельством об определенной степени уже не внутривузовской, а профессиональной квалификации. Альтернативы этому, если институт действительно собирается честно выполнять свои обязательства перед молодыми людьми, доверившими ему судьбоносные для них вопросы профессиональной подготовки, лично я не вижу.

Теперь коротко о том, с чего, с моей точки зрения, надо начинать обучение архитектурному проектированию. Постулат о том, что обучение должно строиться путем постепенного восхождения от простого к сложному, давно общепризнан и не является нашим с Дмитрием Львовичем «ноу-хау». Вопрос в том, что считать простым и сложным.

И здесь мне кажется непродуктивным искать простое или сложное среди объемных или планировочных архитектур-

ных объектов. Дело в том, что они все сложные, так как состоят из целого ряда структурных элементов. Устойчивые, повторяющиеся структурные элементы объемных и планировочных архитектурных объектов я, вслед за Александром, и назвал «паттернами». И как мне представляется, начинать обучение архитектурному проектированию необходимо именно с изучения этих паттернов. Ведь прежде, чем что-либо спроектировать, надо бы знать, из чего оно состоит. Иначе будет просто воспроизведение внешнего облика путем копирования образцов без понимания закономерностей построения внутренней структуры, что и встречается в проектных работах студентов всех курсов куда чаще. Вопрос определения «номенклатуры» этих паттернов – повод для дискуссии, в которой, безусловно, было бы очень полезно участие таких опытных и уважаемых педагогов МАРХИ, владеющих секретами преподавания, как Д.Л.Мелодинский.

Мне кажется, что пришло время перестать обмениваться взаимными обвинениями и колкостями, а вместо этого совместными усилиями попытаться сделать пока еще по инерции уважаемый вуз действительно отвечающим, как это принято говорить сегодня, вызовам времени.

Михаил Туркатенко,
профессор МАРХИ

ПРОЕКТИРОВАТЬ ИСТОРИЮ

На моей книжной полке стоит книга «Фасад/Разрез» Дмитрия Фесенко, для которой три года тому назад я написал вводное слово. Теперь же я поставил рядом с ней вторую книгу того же автора, названную им «Теория архитектурного процесса: контуры новой парадигмы». Первая под белой обложкой, вторая – под черной. По всем своим параметрам – формату, толщине и весу – они тоже существенно разнятся. Вторая во всем этом уступает первой. Однако главное их отличие – в содержании. Обе – каждая по-своему – касаются архитектурной истории. Но если первая посвящена осмыслению хроники профессиональных событий, вторая – предлагает проект нового подхода к исторической науке и тем утверждает превосходство свой значимости. Должен сразу сказать, что чтение это не из самых легких. И хотя более тридцати текстов, вошедших в эту книгу, написанных в разные годы, представляют собой разные жанры, собственно новая концепция автора, связанная с иными научными дисциплинами, в том числе с математическим моделированием, и потому пользующаяся и их терминологией, требует особого внимания. Главное содержание нового подхода к истории состоит в утверждении необходимости не только фиксировать происшедшее, но и прогнозировать будущее. Это положение представляется мне убедительным. Ведь прогноз лежит в основе самого архитектурного творчества. Каждый архитектор, исполняя любой заказ, в чем-то опирается на прошлое,

а в чем-то предопределяет будущее. Со временем выясняется – кто на десятилетия, кто на сотни лет, а кто на тысячи. Так испокон веку складывалась архитектурная история. Но только она не пыталась прежде заглядывать в грядущие времена.

Для достижения этой цели возможно приложение разных средств и механизмов. В том числе предлагается исследование прошлого в пределах точек бифуркации, т.е. в моменты решительной смены курса развития, в обстоятельствах возможного выбора того или иного пути. И хотя точка эта лежит в прошлом, из данного опыта может быть извлечен урок для будущего. Иными словами, тем самым может быть опровергнуто известное утверждение: «История учит только тому, что ничему не учит». Представьте себе, какой бы была Москва, если бы Ельцин в 1987 году не выманил Лужкова из министерства химической промышленности в Моссовет. Пожалуй, это трудно себе представить. А какова была бы судьба Советского Союза и России, если бы Горбачев не назначил Ельцина заведующим строительным отделом ЦК КПСС, а оставил его в Свердловске? Тоже трудный вопрос. Легче представить судьбу самого Бориса Николаевича. Быть бы ему губернатором этой области. Разве это не поучительные примеры? И, между прочим, оба имеют некое отношение к новейшей архитектурной истории.

Свое предисловие к этой книге профессор, доктор физико-математических наук Г.Малинецкий, судя по всему, имея в виду архитектуру, называет «Заметки дилетанта». Я же применительно к математической составляющей новой парадигмы не смею удостоить себя такого звания и потому этой теме касаться не стану. Зато мне были интересны суждения Фесенко, обосновывающие необходимость целостного подхода к истории архитектуры и градостроительства, являющихся сегодня отдельными дисциплинами. Его аргументация о необходимости развития теоретической базы архитектурной истории мне также показалась убедительной. Это издание вообще отличается высокой плотностью содержательных положений, по-новому освещающих предмет исследования. На мой взгляд, есть два

основных критерия оценки подобных трудов. Один из них состоит в способности убедить читателя в авторской правоте, а второй – в способности вызвать у него собственные мысли по данной проблематике. У меня они возникли, и я как благодарный читатель попробую ими поделиться. Пожалуй, я могу утверждать, что дважды достигал будущего. Впервые потому что дистанция от моей творческой юности до сего дня много превышает годы, в которые тогда заглядывали авторы фантастических повествований. 2010-й от середины 1950-х казался удаленным запредельно. Что же касается второго, то пребывая сегодня в Штатах, я, тем самым, оказываюсь в обстоятельствах, которые для России во многом представляются нескорым будущим. И пока неясно, когда некоторые из них станут в отечестве настоящим. Скажем, к примеру, сегодня трудно прогнозировать сроки достижения российским рынком жилища той меры доступности, которой располагает Америка. И хотя глава Калмыкии утверждает, что асфальтовые дороги доходят сегодня до каждого села республики, планы достижения этой цели в масштабах всей страны пока даже не оглашаются. Сравнение с американской дорожной сетью можно посчитать некорректным.

Прогнозы в нашей профессиональной сфере – вообще дело неблагоприятное. Во-первых, потому что она вторична – зависима от таких первичных факторов, как экономика, военные конфликты, кризисы, наконец. А во-вторых, я могу сослаться на известное утверждение Энгельса, касающееся истории. Понятно, что здесь я не располагаю первоисточником и искать этот текст в английских изданиях не стал. Но я отвечаю за почти дословное цитирование: «История складывается как сумма проявления противоречивых воль, в результате действия которых получается то, чего никто не хотел». Прогнозам сие не очень благоприятствует. Между тем, я считаю, что это утверждение основоположника вполне можно применить и к градостроительству. Здесь тоже действуют весьма противоречивые волеизъявления.

С архитектурой дело обстоит несколько иначе. Поскольку я, согласно

своей формуле: Архитектура = (наука + техника) x искусство – руковоствуюю триединством этого явления, то полагаю, что стоящие в скобках слагаемые, безусловно, предсказуемы. Наука на то и наука, чтобы развиваться согласно собственному прогнозу, и техника тоже прогрессирует, следуя ей шаг за шагом. А вот с искусством, поскольку дело это сугубо личное, много сложнее.

В январе этого года мы втроем с Андреем Боковым и Владимиром Белоголовским посетили грандиозную выставку Кандинского в райтовском музее Гугенхайма. Надо сказать, что первому было весьма комфортно пребывать в пространствах второго. Позволю себе предположить, что хотя и можно утверждать, что появление творчества каждого из этих гениальных мастеров было органичным в своем времени, не будь самих этих личностей, история искусств именно таким образом бы не сложилась. И хотя какое-то нечто витало в воздухе нашего времени, никаким прогнозом не предвиделось появление личности Захи Хадид, к тому же еще из Ирака. Я вообще убежден в том, что если бы подобные явления культуры были бы предсказуемы, интерес к жизни был бы в значительной мере утрачен. Вы только подумайте, как бы творил Корбюзье, знай он заранее грядущие деяния Вентури и Бофилла? И как бы чувствовал себя Иктин, предвидя неминуемую готику? А разве случайности не украшают историю? Я хочу сказать, что некоторым образом разделяю чувства тех, кто утверждает девиз фаталистов: Да здравствует неизвестность!

Но как бы там ни было, люди будут вечно стремиться к познанию грядущего, а «контур новой парадигмы» Дмитрия Фесенко обещают нам открытие заманчивых далей. Разве это не увлекает? Я советую прочесть эту книгу и закончу свой текст цитатой из предисловия Г.Малинецкого, с которым согласен: «Ее просматривание и перелистывание, каким бы поверхностным оно ни было, уже вызывает интерес и доставляет удовольствие».

Феликс Новиков

Фесенко Д.Е. Теория архитектурного процесса: контуры новой парадигмы. – М., Журнал АВ, 2010. 240 с. с илл.

МОСКВА, КВАРТАЛ 401 – ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА

Многолетнее противодействие москвичей-защитников историко-культурного наследия строительству в охранной зоне Кадашевской слободы, угрожающему церкви Воскресения, продолжается. На смену проекту элитного офисно-жилого 4-6 этажного комплекса «Пять столиц», вплотную подступающего к храму, пришел несравнимо более щадящий вариант, учитывающий особенности исторически сложившихся морфотипов кадашевской застройки, однако и он провоцирует, по сути, противоправные действия – в частности снос «Дома дьякона» (состоялся), вновь выявленного памятника палат Оленевых и др. 7 июня противостояние достигло апогея, когда общественность, включая депутатов Госдумы, встала грудью на пути тяжелой строительной техники и отрядов ЧОП, брошенных инвестором на зачистку территории. Что касается официальной позиции Правительства Москвы, озвученной председателем Москомнаследия В.Шевчуком, она заключается в безусловном оставлении в силе принятых решений. В то же время действует и запрет Москомнаследия на проведение строительных работ – завоевание от 7 июня. Шаткое равновесие не может длиться вечно...

КОНТРАСТЫ СУЗДАЛЯ

Известность Суздаля как средоточия архитектурных памятников и туристского центра мирового значения не вызывает сомнений. В то же время реставрация исторических зданий и последовательное улучшение качества городской инфраструктуры оставляет в тени ряд проблем, которые требуют неотложного решения. В частности, это касается судьбы ряда ансамблей центра города – Ризположенского монастыря, Старой улицы и др.

Сдвигу с мёртвой точки может способствовать упорядочение взаимоотношений различных структур – административного руководства и представителей бизнес-элиты, а также их обеих - с церковными властями, арендующими храмы и монастырские комплексы. Очевидно, что в суздальской ситуации сакраментальные сетования о наличии или отсутствии средств являются далеко не основополагающими.

ОТРЕСТАВИРОВАН МРАМОРНЫЙ ДВОРЕЦ –

уникальный памятник архитектуры Санкт-Петербурга, входящий в комплекс Русского музея. В перечень реставрационных работ, которые велись с 2007 года и ставили задачу восстановления исторического облика интерьеров, входило воссоздание паркета, установка мраморных каминов и мебельного гарнитура.

Использованы современные методики для реставрации натурального камня, определяющего архитектурно-художественные особенности здания, облик которого ещё в XVIII веке метафорически интегрировал образ России с многообразием её природных богатств.

«ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ В ПРОЕКТИРОВАНИИ И СТРОИТЕЛЬСТВЕ» –

выставка с таким названием открылась в середине июля в галерее ВХУТЕМАС. Это систематизированный современный германский опыт, представленный на примерах Баварии – одной из наиболее быстро развивающихся земель в составе ФРГ. Структуру экспозиции формируют такие разделы, как «Человек», «Энергия», «Тепло», «Свет», «Воздух», «Материалы» и др. Приводятся примеры достижения энергоэффективности как в новом строительстве, так и при реставрации и реконструкции исторической среды и отдельных архитектурных памятников и ансамблей. Выставка демонстрирует возможности достижения поставленных целей за сравнительно короткий период времени, когда теоретические обоснования без участия бюрократических посредников получают практическое воплощение. К сожалению, аннотации даны на немецком языке, а русский перевод присутствует лишь в пресс-релизе.

АЗБУКА ГОРОДОВ

В Старой Рязани, в рамках Первой молодежной соборной встречи, прошла акция под названием «Город АЗЪ». Это архитектурное событие прошло в конце мая в рамках масштабного фестиваля «Города». Предметом исследования для четырнадцати команд архитекторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Нижнего Новгорода, Воронежа, Жуковского и Одессы стала старославянская азбука. Желавших оказалось вдвое больше, чем букв в алфавите – каждой команде предлагалось найти архитектурное воплощение для одной из букв. Строительными материалами архитекторов обеспечило правительство Рязанской области. Итогом акции стал единый, по утвержденному генплану, ансамбль на древнем городище XII-XIII веков. Самым высоким объектом оказалась десятиметровая буква «АЗЪ», созданная группой из Санкт-Петербурга. Автор проекта «Азбука городов» – Иван Овчинников.

Материал подготовили Сергей Мержанов и Ольга Божко

Радости нет

Московское архитектурное сообщество, можно сказать, поддержало чемпионат мира по футболу в ЮАР рассмотрением проекта строительства на Тушинском аэродроме комплекса футбольного стадиона «Спартак»^{*}.

Стадион предназначен для проведения соревнований по футболу и представляет собой шестиэтажное сооружение с двумя ярусами трибун. Между верхним и нижним ярусами располагаются ложи с двумя зрительскими рядами. Офисные помещения клуба находятся в подтрибунном пространстве на западной стороне. Там же музей спортивного клуба «Спартак», ресторан, помещения фан-клуба и магазин товаров с символикой клуба. С открытием стадиона будет расконсервирована и вступит в строй новая станция метрополитена «Стадион СПАРТАК», которая находится как раз напротив будущего сооружения. «Заказчик поставил задачу – сделать футбольный стадион на 42 тыс. зрителей, с хорошей акустикой и всем необходимым, – рассказал **Р.С.Феоктистов**. – Проблема в том, что стадион заявлен для участия в чемпионате мира по футболу в 2018 году и должен соответствовать всем международным стандартам. При этом мы должны вписаться в довольно жесткий бюджет. Поскольку это пойма Москва-реки, и вода очень близко – на глубине 70 см – никаких подземных пространств не предусматривается.

Основной вход зрителей на стадион осуществляется из станции метро «Стадион СПАРТАК». Между ней и самим стадионом будет расположено здание многофункциональной крытой арены

на 12 тысяч мест, проектирование и строительство которой планируется во вторую очередь. Арена предназначена для тренировок и соревнований по разным видам спорта, зрелищных мероприятий, а также выставок и банкетов. Подразумевается, что бывший аэродром станет большим культурным центром Северо-Западного округа, а вся эта территория превратится в одну из жемчужин Москвы.

Все стадионы последнего времени, в том числе задействованные на чемпионате мира в ЮАР, имеют какую-то оболочку. Это ткань, которая обтягивает всё сооружение, представляющее его в виде легкой полупрозрачной конструкции. Она дышит, позволяет нести на себе элементы рекламы и при необходимости может менять цвет и дизайн. Мы пришли к этой классической форме стадиона, преследуя цель сделать живой проект, который можно было бы постоянно обновлять.

«По поводу исходно-разрешительной документации вопросов нет, здесь полное соответствие Генеральному плану, – заявил **референт В.В.Моторин**. – Многие продумано и сделано на высоком профессиональном уровне. У меня скорее несколько пожеланий, чем замечаний.

Так как данный стадион претендует на будущее участие в мировом первенстве, необходимо учесть ряд международных требований, которые предъявляются к таким сооружениям. А требования ФИФА довольно жесткие.

Западная трибуна – это сердцевина стадиона с точки зрения ее функционального назначения. Там сосредоточены все главные помещения. В данном варианте представлено три раздельки. По требованию ФИФА для про-

ведения крупных соревнований необходимо как минимум четыре. Помещения, обозначенные как офисные, придется занимать под пресс-центр, так как современный пресс-центр требует порядка 600 м для проведения крупных соревнований. Есть замечания и по поводу технических помещений.

Но в целом интересное решение – живой организм, который может видоизменяться. Считаю, что стадион «Спартак» состоялся, и хочу дать ему свою субъективную оценку – положительную».

«На заседании специальной рабочей комиссии Научно-технического совета мы рассматривали только предпроектное предложение по конструктивному решению покрытия здания как наиболее конструктивно сложного элемента стадиона, – доложил референт С.Ю.Сопоцько. – На рассмотрение были приглашены ведущие специалисты строительного комплекса Российской Федерации.

Конструктивное решение покрытия в принципе возможно, оно способно обеспечить несущую способность покрытия в соответствии со всеми требованиями.

Но было внесено несколько замечаний, касающихся необходимости уточнения распределения снеговых нагрузок на покрытие, а также ветровых нагрузок и антикоррозионной защиты. Отдельно было высказано предложение, чтобы расчет конструктивного решения покрытия был выполнен с применением современных сертифицированных программных комплексов и учитывал пространственную работу всей системы покрытия.

В целом специалисты Совета поддержали это решение и признали его работоспособным и годным для даль-

нейшей проработки и представлению в экспертные структуры».

После выступления референтов на докладчика посыпался град вопросов. Более всего многих озадачило странное пятно на подходе к стадиону, значащееся как арена.

«Прямо на подходе?! Вот вы идёте и наталкиваетесь на тренировочный зал или что это прежде чем попадаете в стадион?!» – отказывался поверить своим глазам **почетный президент**

САР Ю.П.Гнедовский. «Я готов объяснить такое решение, – отозвался автор. – Стадион работает примерно 30 дней в году. Два раза в неделю проходят матчи. Сезон у нас с марта по декабрь. Во время матча здание арены, естественно, не работает. Но в остальные 235 дня в году там будут выставки, концерты. Мы планируем её вынести на совет как отдельный элемент, который станет смысловым фокусом этого комплекса. Сам стадион, в общем-то, в качестве акцента трудно представить, а арену планируется сделать доминантой общей композиции. Она будет держать на себе весь комплекс».

«Функционально хорошо проработанное предложение, но в то же время принципиальные вопросы остаются без ответа, – откликнулся **Ю.П.Гнедовский**. – Странно размещение этой арены, которая заслоняет основное здание на главном подходе к стадиону. Такого не должно быть. И структура здания, которое внутри нарезано на этажи неинтересна. На макете есть какие-то намёки на некие предпосылки для крупного архитектурного решения. Но сеточка всё закрыла.

Мне кажется, что генплан должен быть изменён и представлены более выразительные варианты фасадов».

^{*}Заказчик: ООО «Стадион «Спартак».
Проектная организация:
ПК «ДИКОМ РОССИЯ ЛИМИТЕД».
Авторы: С.Бэйли, Р.С.Феоктистов, М.Е.Юдина, В.Н.Гончаров.

Проект комплекса футбольного стадиона «Спартак» в Тушино в Москве.

Проектировщик – ПК «АИКОМ РОССИЯ ЛИМИТЕД».

Архит. С.Бэйли, Р.Феоктистов, М.Юдина, В.Гончаров.

«Я не имею опыта проектирования такого рода сооружений, – заметил

А.С.Цивьян, – зато смотрю матчи чемпионата мира по футболу и обратил внимание, что на всех стадионах одним из неудобств для тех, кто смотрит, и наверняка для игроков являются тени от покрытия на поле. Теней от сплошного покрытия, видимо, не избежать. Но здесь четыре фермы, и в любое время дня они дадут решетчатую тень на поле. Мне представляется, что для футболистов это наиболее неприятно, когда налицо не просто четкая граница между участком, залитым солнцем, и участком в тени, а поле, расчерченное тенями конструкций».

«Мне пришлось в своё время сопровождать этот проект, – сказал **руководитель мастерской №3 «Моспроект-4» А.В.Тараненко**. – Но команда сменилась. Поэтому я волей-неволей сравниваю. Увы, то, что мы здесь видим, просто малоинтересно».

«Формирование сложного организма стадиона вызывает уважение, – заявил **президент МААМ Ю.П. Платонов**. – Мне кажется, это сделано профессионально. Но чувство досады вызывает попытка этот организм запаковать. Лента, которая здесь придумана, не должна быть такой безнадежно одинаковой. Она просто повешена на фасад и всё закрывает. Может быть, сделать ее прерывистой, чтобы оставались частично открытыми зоны лестниц?»

Генплан нарисован очень уверенно, но опыт говорит о том, что мы постоянно сталкиваемся с необходимостью реагирования на новые задачи спорта, новые функциональные требования. Пешеходное кольцо вокруг главной арены так пассивно использовано, не делается никакой попытки внести сюда

современную социальную динамику. Огромные технологические возможности позволяют сегодня работать на перспективу – чуть-чуть дальше, чем прямая задача.

«Хотелось бы видеть более продвинутое решение, – признался **начальник Управления Архитектурного совета А.М.Куренной**, – в том числе генплан не для 30-ти дней в году.

Мне представляется, что условно стыдливый показ этого архитектурно независимого приложения в виде стадиона – некоторое неуважение и к этой территории, и к «Спартаку», и к нашему собранию. Не будем забывать, что Россия подала заявку на участие в чемпионате мира 2018 и 2022 гг. Значит, надо сделать всё, чтобы этот стадион был пригоден в XXI веке.

Мне кажется, что и генплан, и архитектурное решение – всё здесь требует переосмысления и доработки».

«По-моему, это просто ошибка располагать на пути 30 тысяч зрителей какой-то манеж! – сказал **президент СМА В.Н.Логвинов**. – Причем манеж в виде пока ещё непонятого ящика. Абсолютно ясно, что потоки людей пойдут с этой станции метро. А на пути стена, скрывающая сам объект. Неужели на этой огромной территории нельзя найти место для этого манежа?! Или хотя бы развернуть его на 90°, чтобы толпа его обтекала. Наверное, можно.

Кроме того, этот формальный круг вокруг стадиона не решает проблемы комфортного доступа на трибуны, и гигантская масса заполнит полукруг, вытаптывая газоны.

Наличие такого решающего фактора, как станция метро в 150 метрах от объекта, генпланом просто проигнорировано!

Что касается архитектуры, технически вроде всё правильно, а радости, извините, нет. Это все-таки один из крупнейших объектов столицы XXI века. А сделан просто лениво. В институте за такие дипломы ставят четыре с минусом. Я, может быть, кого-то обижаю, но это правда. Объект расположен на действительно золотой земле, объект градостроительной значимости – он никакой! Никакие фасады, завершение кровли, организация трибун.

Чем больше трибуны закрыты от косо-го дождя, тем лучше. Здесь есть такая возможность – закрыть их и одновременно избежать сетчатой тени на поле. Однако она не использована.

Перспективное предложение обтянуть фасад тканью даёт прекрасную возможность для разнообразия вариантов! И в плане подсветки, и цвета, и формы. Можно сделать десяток вариантов фасадов с матерчатой оболочкой. Мы же здесь видим один – единственный ленивый вариант решения фасада. У нас даже выбора нет. Хотя это теоретически могло бы вытащить весь проект.

Абсолютно никакие, технологические фермы покрашены под цвет облаков – они просто растворились! Их формы не прочувствованы. Если такова авторская задумка, то она ошибочна, потому что завершение такого объекта должно быть ярким и выразительным. Я понимаю, задача заказчика – сэкономить деньги, но предусмотреть в перспективе возможность завершения трансформированной кровли, что придало бы выразительность объекту, было бы разумно».

В ходе обсуждения стадион получил кличку «корзина», что, несомненно, задело болельщиков знаменитого клуба.

«Я болею за «Спартак» с раннего детства, – признался **vice-президент САР А.Л.Бавыкин**. – Но это не стадион «Спартак»! Это какой угодно стадион, предположим, для олимпийской программы в Сочи или ещё для какого угодно места. Хороший, замечательный – никакой!

Уберите всё, что связано со спартаковской символикой, и мы сразу же согласимся! А для «Спартака» это ну не подходит, друзья мои!»

«Я не болею за «Спартак», – заявил **главный архитектор Москвы**

А.В.Кузьмин. – Но могу согласиться с членами Совета по ряду вопросов. Мы смотрим объект, который здесь представлен, – обратился он к авторам, – и никакую вторую очередь согласовывать не собираемся. Я имел отношение к первому варианту. Да, тогда был более выразительный силуэт, но потом случился кризис, и пошли на то, чтобы максимально сократить расходы.

Предлагаю принципиально схему стадиона принять для того, чтобы он мог проходить экспертизу, чтобы им можно было заниматься дальше. Но еще раз посмотреть фасады! Потому что если будет так, как здесь показано, мы можем просто погубить хорошее дело. И в отношении теней от ферм на поле надо хорошенько проверить. Поправить генплан.

Потом мы вернёмся к проекту и ещё раз всё рассмотрим.

У вас, Роман Сергеевич, не было особого опыта участия в Советах, – снова обратился **А.В.Кузьмин** к автору, – но рисовать такой кирпич рядом с объектом и ссылаться на что-то – это неуважение к Совету».

Подготовил Борис Киселёв